

INSPIRIA

ГРЕГГ ДАННЕТТ ЧТО СКРЫВАЮТ МУТНЫЕ ВОДЫ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Британия

Грегг Даннетт

Что скрывают мутные воды

«ЭКСМО»

2018

УДК Что скрывают мутные воды

Даннетт Г.

Что скрывают мутные воды / Г. Даннетт — «Эксмо»,
2018 — (Ток. Национальный бестселлер. Британия)

ISBN 978-5-04-193125-4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БРИТАНИИ. СУПЕРХИТ AMAZON KINDLE. Как вычислить убийцу, если ты еще ребенок? Меня зовут Билли. Я живу в доме на утесе. А утес на острове. Мне одиннадцать. Но я совсем не похож на сверстников. Ведь я – настоящий ученый. Да-да. Морской биолог. А недавно мне пришлось стать еще и детективом... Все потому, что пропала та девочка, Оливия. И полиция ничего не смогла сделать. Не нашла ни одной зацепки. А я нашел. Я же был там в ту ночь. И видел кое-что важное. И еще: никто лучше меня не знает здешние пески и скалы, заводи и пещеры... Вряд ли вы читали что-то подобное. У расследования, которое ведет Билли, особый стиль. Но вскоре мальчик оказывается в самом центре паутины из лжи и семейных тайн. Его детская игра в детектива превращается в гонку на выживание. Он становится мишенью убийцы, которого хорошо знает. И теперь должен раскрыть это дело для того, чтобы спасти свою жизнь...

УДК Что скрывают мутные воды

ISBN 978-5-04-193125-4

© Даннетт Г., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	38
Глава 13	40
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	46
Глава 17	48
Глава 18	49
Глава 19	52
Глава 20	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Грегг Даннетт

Что скрывают мутные воды

Gregg Dunnett

THE THINGS YOU FIND IN ROCKPOOLS

Copyright © 2018 by Gregg Dunnett. All Rights Reserved

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

От автора

Действие книги происходит на вымышленном острове Лорни у Восточного побережья США. Хотя в действительности его не существует, я привожу здесь приблизительную карту.

Глава 1

Я вижу труп из окна моей спальни. Он лежит на пляже, выброшенный ночным приливом. Ничто больше не нарушает бледной, ровной глади песка, и даже с такого расстояния невозможно ошибиться насчет того, *что это такое*. Забавно – живя здесь, я всегда знал, что однажды найду что-нибудь в этом роде. По телику часто показывают трупы, которые вынесло из воды. Теперь я тоже такой нашел.

Хватаю бинокль. Он большой, с десятикратным увеличением, и держать его тяжело. С силой прижимаю его к оконному стеклу, но все равно вижу лишь дергающиеся фрагменты кожи, призрачно-белое пятно живота и ярко-красную рану у нее на спине. Именно у нее. У мертвой особи женского пола, лежащей в луже крови и морской воды посреди пляжа. Моего пляжа.

Внезапно замечаю облачка пара, вырывающиеся при дыхании изо рта. В комнате холодно. Может, мне все это померещилось? Может, я сплю и вижу сон? Но в остальном комната вполне реальна. Шкаф открыт, внутри висит моя школьная форма. Плакаты тоже на месте: таблица Менделеева и «Морские рыбы» с латинскими названиями. Приглядываюсь повнимательней – будь это сон, названий я не различил бы, потому что плохо их помню. Вот, например, полосатый лаврак – *Morone saxatilis*. Нет, я не сплю.

Еще раз гляжу в бинокль. Теперь замечаю чаек. Одни топчутся вокруг трупа, другие стоят прямо на нем, словно на скале, выросшей из песка в предыдущую ночь. Я понимаю, что они не просто стоят, а наклоняются и клюют. Вырывают куски плоти. Одна вонзает клюв прямо в глаз. Откладываю бинокль и размышляю.

Надо сказать отцу. Да, именно так я должен поступить. Но все-таки я сомневаюсь. Отец в последнее время ведет себя странно. Сердится на пустом месте. А после таких новостей сюда сразу слетятся полицейские и журналисты, которых отец люто ненавидит. Если я ему скажу, он может заявить, что не хочет ни с чем таким иметь дела. Может даже остаться дома на все утро, и тогда у меня не будет шансов осмотреть находку. А как часто выпадают подобные шансы? Для мальчишки вроде меня это потрясающая возможность. Я хочу сказать, это, конечно, очень грустно, но впадать в сентиментальность не стоит. Потрясающая возможность – в первую очередь.

Поэтому, хоть мне и совестно, я уже знаю, что ничего отцу не скажу.

Если что, меня зовут Билли. Мне одиннадцать лет, но я не похож на других одиннадцатилеток. По крайней мере тех, с кем учусь в школе. Уверен, вы согласились бы со мной, будь вы с ними знакомы.

К счастью, сегодня суббота, так что в школу мне не надо. Выходные мы всегда проводим одинаково. Первым делом отец едет заниматься серфингом. Рано утром, потому что потом на пляже собираются люди, а ему это не нравится. Я езжу вместе с ним, но на доску не встаю. Это означает зайти в воду, а я не захожу в воду. Но и сидеть в пикапе, дожидаясь его, не собираюсь. Мне было бы скучно. У меня обычно есть какие-нибудь проекты. Вроде домика на дереве. Я построил его в прошлом году из всякой всячины с отцовской работы. В лесу за дюнами. Вам его никогда не найти, потому что стены я раскрасил камуфляжным рисунком. Времени на это ушла уйма. Оказалось, что камуфляжная краска нигде не продается, что и понятно, если подумать, – нельзя же смешать разные цвета в одной банке. Так или иначе, это был мой прошлогодний проект. Сейчас у меня другие. Куда интереснее.

Но сегодня я точно не думаю о них. Ведь на пляж вынесло труп. Решаю разбудить отца и как можно скорей отправляться из дома. Так я окажусь возле трупа первым. Я должен стать тем человеком, кто официально обнаружит его.

Обычно отец встает после меня. Спускается вниз и делает себе кофе. Если ветер не слишком сильный и нет дождя, пьет его на улице. Стоит в нашем маленьком дворике на вершине утеса и глядит вниз на пляж, решая, куда поехать на серфинг. Если океан бурный, мы остаемся на своем конце пляжа, под утесом, потому что там волны поменьше и не такие мощные. Если же океан спокойный, едем в Силверли, городок в центре бухты. Он больше открыт прибою. Естественно, если волн вообще нет или дует ураганный ветер, мы не едем. Но это очень плохо, ведь тогда отец весь день бывает не в настроении.

Мы живем с ним вдвоем. У меня нет ни братьев, ни сестер. И мамы тоже больше нет. Отец не разрешает мне заводить питомцев – после того, что случилось с птенцами чайки. Так что в доме только мы, отец и я. В этом коттедже на утесе мы живем сколько я себя помню.

Но этим утром я сам завариваю кофе. И стараюсь делать это как можно шумнее, чтобы разбудить отца. Стучу дверцами шкафчиков, с грохотом выдвигаю ящик, доставая оттуда ложку. Надо, чтобы отец поторопился, если я хочу первым обнаружить тело, знаете ли.

Кофеварка у нас из двух половинок, навинчивающихся друг на друга, с кофе посередине. Я не знаю точно, сколько кофе насыпать, но отец любит покрепче, поэтому я сыплю до самого верха. Очень скоро кофеварка начинает шипеть, и кухня наполняется густым кофейным ароматом. Я наливаю кружку отцу и снова громко хлопаю шкафчиком. Теперь слышу, как отец проходит в ванную, как струйка мочи ударяет в унитаз. Наконец она затихает, и я бегу наверх.

– Кофе, пап.

Еще раз выглядываю в окно. Труп лежит на том же месте, никто его пока не нашел. Но тут возникает новая проблема. Волны. Сегодня утром они совсем маленькие. Это значит, что отец захочет ехать в Силверли, где волны побольше. Обычно это меня не беспокоит, потому что своими проектами я могу заниматься по всему побережью. Но труп ведь здесь, на *нашем* конце пляжа. Если мы уедем в Силверли, мне придется бежать по пляжу назад, а за это время кто-нибудь запросто может его найти. Я этого не хочу. Обнаружить труп должен я.

* * *

Поэтому, когда отец выходит ко мне во дворик с кружкой в руках, я уже обдумываю, что делать. Бросаю на него короткий взгляд. Вчера он вернулся поздно и, похоже, был пьян, потому что выглядит неважно.

– Чего ты так расшумелся с самого утра, Билли? – Отец потирает глаза. – Я уж думал, тебя убивают... – Он смеется и делает глоток. – Господи Иисусе! Прямо ракетное топливо.

Я хмурюсь, потому что не знаю, хорошо это или плохо.

Отец ставит кружку на парапет. Зевает и потягивается, подняв руки над головой. На нем футболка и джинсы, в зазоре между ними виден мускулистый живот. За лето он здорово загорел. Отец босиком, хотя трава мокрая от росы. Холод несколько его не смущает.

Минуту мы стоим в молчании, созерцая открывающийся вид. Прямо за парапетом начинается старая тропка вниз. Ее давно закрыли, поскольку сочли опасной, но я все равно могу спуститься по ней. За тропкой начинается широкая полоса пляжа, тянущегося на семь миль – мимо Силверли до самого Нортэнда. Справа виден лес. Слева – океан, насколько хватает глаз. Вид с нашего двора потрясающий.

– Здорово, да? – говорит отец, снова берясь за кружку.

Это значит, что волны хорошие. Отсюда виден практически весь остров, но отец смотрит только на волны. Вот почему я думаю, что мой план должен сработать. Выжидаю несколько минут, давая ему осмотреться. Оценить волну.

Волны обычно идут неравномерно. Они набегают группами – их называют «сеты». Поэтому в одно мгновение может показаться, что волны очень большие, а пару минут спустя

они становятся гораздо меньше. Сейчас, пока отец смотрит, волны немаленькие. Мне сильно повезло, потому что волн такой величины я не видел все утро. Идеально для моего плана.

– Здоровенные, – говорю я с напускным спокойствием. – Сейчас еще ослабели, а до того, как ты спустился, были вообще огромные. Думаю, Литтли.

Если б отец сегодня смотрел на океан столько, сколько я, моя ложь стала бы очевидна. Серфить можно разве что на Силверли, в открытой бухте. Но труп лежит на Литтли, так что мне до зарезу необходимо затащить отца туда. А чтобы это сделать, надо убедить его, что волны больше, чем кажутся сверху.

Отец отвечает не сразу. Мы стоим с ним рядом, любуясь океаном. Труп виден только если присмотреться, но отец не обращает внимания на пляж. Глазами он обводит горизонт, наблюдает за приближающимися валами, которые у берега разбиваются в волны. Ждет, потягивая свой кофе. Терпения у него в избытке. Минуты бегут, волны утихают, и океан становится практически гладким. Я изображаю удивление.

– Маловаты для меня, – заключает отец с подозрительной ноткой в голосе. – Ты как себя чувствуешь, Билли?

Он поворачивается ко мне, и на мгновение я пугаюсь, что он опять впадет в свое «странное» настроение. Но нет, отец улыбается.

– Ну что, едем в город? Потом позавтракаем там же.

Городом мы называем Силверли. Значит, мы проедем две мили к северу, мимо трупа, и потом мне придется бежать назад в Литтли, чтобы добраться до него. Естественно, я разочарован. Но завтрак станет мне отличным утешением, потому что есть мы будем в особенном месте. К тому же отец все равно не передумает, так что лучше смириться.

Отец допивает свой кофе и подмигивает мне.

– Стартуем через пять минут, – говорит он и заходит в дом, чтобы одеться.

Я следую за ним и на кухне торопливо выключаю компьютер. Хватаю бинокль, новый блокнот и свой фотоаппарат, затапливаю все в рюкзак. Отец проходит мимо, когда я обуваю кеды, и велит мне поторопиться. Выхожу на улицу; он закидывает гидрокостюм в открытый кузов пикапа. Костюм с влажным чавканьем приземляется на рифленое металлическое дно. Отцовский серф уже там; он в кузове практически все время. Меня одолевают сомнения. Когда отец в хорошем настроении, он позволяет мне ездить в кузове, хотя по правилам это запрещено. Я все-таки решаюсь и забираюсь назад, стараясь не встречаться с ним глазами. Отец ничего не говорит, просто открывает кабину. Но, прежде чем сесть за руль, все-таки бросает мне:

– Увидишь полицейского, пригнись, о'кей?

Дальше он захлопывает дверцу, заводит мотор, и пикап срывается с места. В воздухе повисает запах бензина. Мы несемся, подсакивая на ухабах, по своему проселку к главной дороге, вниз с холма. Отец ведет машину уверенно, периодически срезая углы.

Пляжа с дороги почти не видно – разве что в редкие прогалины между деревьев. За рекой дорога уходит вниз, и вид загораживают дюны. Ехать всего три минуты, других машин нам не попадает. Я решаю, что это хороший знак.

Мы въезжаем в город и резко тормозим на парковке возле пляжа. Вот оно, кафе «Санрайз», где мы будем завтракать, но его еще не открыли.

Тем не менее наша машина не первая. На парковке есть и другие; я узнаю пикапы отцовских приятелей-серферов. Наверное, еще и собачники приехали выгуливать своих псов. Надеюсь, они пошли на север, к Нортэнду, а не на юг, к Литтли, где лежит труп. Отсюда его не видно, поэтому я полон энтузиазма, но точно знать нельзя, пока не окажешься на месте.

– К десяти будь здесь, – говорит отец. Давным-давно он пытался и меня поставить на серф. Больше не пытается. Понимает, почему я теперь не захожу в воду.

– Договорились, – отвечаю я. – Увидимся.

Когда я ухожу, отец сидит на краю кузова и натягивает гидрокостюм. Поблизости никого нет, и он не дает себе труда прикрыться полотенцем.

Быстро иду по узенькой тропинке к пляжу. Поначалу это легко, потому что тропинка выложена деревянными планками, но потом планки заканчиваются, и мои ноги погружаются в мягкий песок. Наконец добираюсь до камней. Они тянутся один за другим – большие плоские камни размером с обеденную тарелку. Останавливаюсь и вытаскиваю из рюкзака бинокль. Еще не наведя резкость, понимаю – что-то не так.

На пляже полно людей. Прямо там, возле труп. С такого расстояния я не могу разглядеть, кто они и что делают, но определенно они стоят вокруг него.

Меня охватывает острое разочарование. Собачники! Почему они не могли пойти в другую сторону? Я увидел труп первым больше часа назад и хотел первым до него добраться. Теперь даже не знаю, дадут ли мне взглянуть. Наверняка вот-вот появится береговая охрана. Или полиция. Их в городе в последнее время полным-полно.

Стою так несколько секунд, борясь с разочарованием. Мое отчаяние длится недолго. В любом случае перемещать труп те, кто его нашел, не могут – для этого существуют специальные люди. Наверное, они попытаются огородить его, устроить кордон, но пока путь свободен. Если потороплюсь, то еще смогу осмотреть труп. Надо поспешить.

Снова кидаюсь вперед, шагая по краю прибоя. Идти там удобнее всего, потому что песок всегда плотный и ровный. Плюс можно найти разные вещи, выброшенные приливом, что является дополнительным бонусом. Но сегодня я под ноги не смотрю. Мой взгляд направлен вперед, я стараюсь различить детали происходящего. Примерно на полпути меня обгоняет полицейская машина, медленно движущаяся по пляжу к месту, где лежит труп. Я испускаю тяжкий вздох.

Знаю, что вы подумали, – ненормально для одиннадцатилетки разглядывать мертвое тело, выброшенное из океана. Но, как уже говорил, я не похож на других. То есть остальные в школе постарались бы сделать с ним селфи или что-нибудь в этом роде. Но я ничего такого не хочу. Я иду, чтобы его осмотреть. Как настоящий ученый.

Если вы знаете про Силверли – например, приезжали сюда на каникулы, – то удивились бы, с чего так быстро прикатила полицейская машина, тем более в такую рань. Но все дело в нынешней ситуации. Этой осенью они повсюду. Из-за той девчонки. Про которую говорили в новостях. И не подумайте, что речь про местные новости – в *настоящих* новостях, где рассказывают про президента, землетрясения и все такое. Весь остров так и гудит. Как могла девочка-подросток взять и пропасть *отсюда*? Это же невозможно!

Я виделся с ней – девочкой, которая пропала. Оливией Каррен. Могу прямо сейчас вам рассказать, потому что добираться мне еще довольно долго. Она остановилась в одном из тех коттеджей, которыми управляет отец. Приехала на каникулы с семьей: мамой, отцом и братом. Они остановились в коттеджах «Сифилд». Дорогих – прямо на пляже, чтобы из окон был виден океан. Возле той самой парковки, где мы только что оставили машину.

Я не должен был встречаться с ней. Просто, когда они приехали, был в соседнем коттедже. Чинил вай-фай: предыдущие гости пожаловались, что он постоянно слетает. Это еще одно, чем я занимаюсь: настраиваю вай-фай в коттеджах, которыми управляет отец. Мистер Мэтьюз, его босс, знает, что я разбираюсь в компьютерах, вот и позволяет мне.

В общем, когда они приехали, я чинил роутер. У них был внедорожник или паркетник – что-то в этом роде – с велосипедами на специальном креплении и дополнительным багажником на крыше. Естественно, я с ними не разговаривал. Заселение в коттеджи «Сифилд» самостоятельное, и гости, когда приезжают, берут ключ из металлического ящичка, привинченного к стене. Поэтому я, как обычно, их проигнорировал. Но дальше решил зайти в кладовую, взять кое-что перекусить. Кладовая – это маленький каменный сарай на заднем дворе коттеджей; мы храним там чистое постельное белье и полотенца. А еще индивидуальные упаковки печенья

в качестве приветственных подарков. Так вот: я, держа перед собой ноутбук, вошел в кладовую за печеньем. И она, похоже, меня увидела. Потому что, когда я выходил, по-прежнему с открытым ноутбуком, девочка подошла ко мне.

– Извините, – сказала она неуверенно. – Вы остановились здесь, в соседнем коттедже? Просто мы только приехали, и у нас не работает вай-фай.

Ничего не отвечаю. У меня печенье во рту.

– Я увидела у вас компьютер. Вот и спросила; может, вы разобрались?

У нее светлые волосы, собранные на макушке в хвост, но несколько прядок выбились, и девочка нетерпеливо отбрасывает их назад.

– Ладно, не беспокойтесь. Простите, что спросила, – говорит она и отворачивается. Я выдергиваю изо рта печенье.

– Я живу здесь. В смысле, постоянно. И занимаюсь вай-фаем во всех коттеджах, принадлежащих мистеру Мэтьюзу.

Она разворачивается обратно и слегка недоверчиво смотрит на меня.

– О! Понятно... Ну да, довольно удобно. Только... он правда *совсем* не работает.

Она отступает на шаг и улыбается. Улыбка у нее славная.

– Работает. Я только что починил, – говорю я ей.

– О... Просто... Хм, я только что попробовала, и ничего.

– Пароль ввели? – спрашиваю я. Туристы бывают такие глупые, что приходится вкладывать инструкции для них в Приветственную папку – даже по пользованию электроплитой. – Он в Приветственной папке на...

– Да-да. Я нашла. Подключается нормально, а потом сразу слетает.

Я сержусь, потому что та же проблема возникала и раньше. Я думал, что все починил.

– Настройки вы не меняли? – с надеждой спрашиваю я.

– *Нет*. Конечно нет. – Она странно на меня смотрит. – Мы же только приехали.

Хмурю лоб. Не пойди я за печеньем, она бы меня не застала. Думаю заскочить в коттедж 2 и установить связь оттуда, но тогда девочка, наверное, захочет зайти со мной. К тому же будет гораздо быстрее, если я подключусь к роутеру по кабелю.

– Мне придется пойти к вам. Подключиться к роутеру. Ничего?

В глубине души я надеюсь, что она скажет «нет», но ничего подобного: девочка – тогда я не знал, что ее зовут Оливией – взмахивает рукой в слегка театральном жесте.

– Добро пожаловать!

Нет, улыбка у нее и правда классная!

* * *

Роутер в коттедже 1 стоит на кухонной столешнице. Я от дверей вижу, что лампочки на нем горят оранжевым, а должны быть зелеными. Коттедж с открытой планировкой, как все остальные в «Сифилд», и отец девочки тоже тут. Он загружает продукты в холодильник.

– Привет! – говорит он, завидев меня, но я не успеваю ответить, потому что это делает девочка:

– Все в порядке, он просто зашел починить вай-фай.

Ставлю ноутбук на стол и достаю из рюкзака сетевой кабель.

Отец продолжает выкладывать продукты, но я вижу, что он хочет что-то сказать. Наконец открывает рот и произносит:

– Ты вроде маловат, чтобы заниматься компьютерами. – Таким голосом, которым взрослые обращаются к малышам. Я отворачиваю голову и не отвечаю.

– Знаешь, если не получится, ничего страшного, – продолжает он. – Мы по-любому все время будем на пляже, да, Ливви?

– Нет уж! Очень даже страшно, – отрезает девочка. – Тебе, может, и все равно, но в рекламе было сказано, что в коттеджах есть вай-фай. Что, если б ты приехал, а тут не оказалось ванной, а в рекламном проспекте она была? Тебе бы не понравилось, правда?

– Все в порядке, – вставляю я. Не хочу слушать, как они ругаются. – Иногда такое бывает, но если перезагрузить его с аккаунта админа, проблема решается.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно, хотя на самом деле не знаю, почему сеть продолжает слетать.

– Что же, буду рад, если ты окажешься прав. А Оливия так вообще будет бесконечно признательна.

Мужчина делает паузу, и во мне на мгновение вспыхивает надежда, что он сейчас развернется и уйдет, но отец Оливии продолжает загружать холодильник.

– Ты, значит, *главный сисадмин Силверли*? – Он произносит это будто название какой-то официальной должности. – Ты слышишь, Уилл?

Он заговаривает громче, пытаясь привлечь внимание мальчишки лет четырнадцати, который на другом конце гостиной тычет кнопки на пульте телевизора. Отец поворачивается обратно ко мне.

– Сегодня утром мы едва вытащили Уильяма из постели. Что уж говорить о какой-нибудь ответственной работе!

Отец смеется, но я, пользуясь возможностью, опять игнорирую его.

Захожу в сеть через аккаунт администратора и вижу, что был прав – сбилась одна из настроек. Поправить ее не составляет труда, но я не понимаю, почему ошибка повторяется. Устраняю ее и делаю мысленную заметку позднее погуглить проблему. Потом перезагружаю роутер. Собираюсь тут же уйти, но понимаю, что надо подождать – убедиться, что сеть работает.

– И что тут есть интересного для молодежи? – спрашивает меня отец все тем же «дружеским» голосом.

Мне не нравится, когда туристы задают мне подобные вопросы. Я уже говорил, что немного отличаюсь от других, и потому плохо знаю, что их может интересовать. В прошлый раз, когда меня спросили, я начал рассказывать про свой проект: подсчет яиц в гнездах морских чаек на скалах. На меня поглядели как на сумасшедшего. Я пытался объяснить, что это самые крупные чайки в мире, что размах крыльев у них как у орла, но по лицам туристов видел, что они просто считают меня чудиком. Так что я не собирался рассказывать мистеру Каррену о своем проекте с крабами. Однако тут меня посетило вдохновение. Я вспомнил про афиши, которые видел в городе.

– В субботу будет диско-вечеринка в Спасательском серфинг-клубе, – сказал я. – В честь окончания сезона.

– О! *Диско-вечеринка* в Спасательском клубе, – повторил он за мной. Судя по его тону, чего-то подобного он и ожидал от нашего городка. – Видишь, Ливви, я же говорил, что тебе будет чем заняться!

Девочка закатила глаза, но все-таки развернулась ко мне.

– А билеты нужны? – спросила она неожиданно заинтересованным голосом.

– Не знаю. – Я знал, что *мне* билет не требуется, я же местный. Но насчет туристов понятия не имел. Отвечать, однако, не пришлось, потому что на роутере зажегся зеленый огонек.

– Можешь заходить, – сказал я девочке. Та уже держала телефон в руке; собственно, она его и не выпускала, словно не могла дожидаться, когда заработает сеть. Теперь же начала торопливо печатать на экране.

– Ага, работает, – сказала она, не отрывая от телефона глаз. Еще с минуту печатала большими пальцами, потом внезапно подняла голову. – Вот, проверила. Силверли, Спасательский

серфинг-клуб, диско-вечеринка в честь окончания сезона. Билеты можно купить заранее или при входе. – Она еще раз поглядела на меня – теперь улыбаясь во весь рот. – Здорово, спасибо.

Она была *очень* симпатичная, когда улыбалась.

Я все это рассказал полиции, кроме того, что она была симпатичной, – тут я промолчал. Тем не менее переживал, что могу попасть в неприятности. В конце концов, если б она не пошла на дискотеку тем вечером, то не пропала бы *с дискотеки*. Однако детектив, которая записывала мои показания, не придавала этому значения. Она сказала, что Оливия так или иначе узнала бы про вечеринку – афиши же были повсюду. Правда, детективом она оказалась неважнецким. Потому что не заметила, когда я ей солгал.

Тем не менее, думаю, я объяснил, почему вроде как оказался втянут в дело Оливии Каррен. С самого начала.

* * *

Я уже подхожу к группе на пляже. За то время, что я добирался, она заметно разрослась. Теперь, кроме полицейской машины, там стоит еще пикап береговой охраны – они расположились по обеим сторонам от трупa. С такого расстояния раны выглядят страшно – они рассекают кожу до самого жира. Делаю еще шаг, чтобы рассмотреть получше. Хочу понять, отчего она погибла.

– Эй, Билли! – окликает меня голос, и крепкая фигура преграждает мне путь.

Глава 2

– Привет, Дэн, – говорю я без всякого энтузиазма, потому что не люблю Дэниела Ходжа. Он работает спасателем. И хорошо знает отца – они занимаются серфингом вместе. Отец, между прочим, похож, тоже его не любит. Причина, на мой взгляд, в том, что Дэн чувствует себя хозяином этого пляжа. Вот как сейчас, когда пытается не подпустить меня к труп.

– Не стоит тебе смотреть, Билли. Зрелище жуткое.

– Она мертвая? – спрашиваю я и сразу раздражаюсь на себя самого. Очевидно, что она мертва, но иногда у меня изо рта вылетают слова, которые я вообще не собирался говорить.

– Определенно мертвая, Билли, – отвечает Дэн с ухмылкой.

Пытаюсь заглянуть ему через плечо; мы стоим достаточно близко, чтобы я мог слышать разговоры. Какой-то незнакомый мужчина обращается к полицейскому:

– Знаете, какой это вид? – Судя по голосу, это турист. Зимой их тут немного, но кое-кто все-таки приезжает.

– Мы пока не уверены. Ждем эксперта, он едет с побережья, – говорит полицейский. Он в форме. В обычной жизни полицейская форма выглядит странно. Такая непрактичная...

– Надеюсь, эксперт нам скажет.

Вмешиваюсь в разговор, радуясь возможности отделаться от Дэна.

– Это малый полосатик! – восклицаю я.

Полицейский снова повторяет что-то насчет эксперта, который должен вскоре прибыть, но турист разворачивается ко мне:

– Откуда ты знаешь?

– Видно по расстоянию между спинным плавником и дыхательным отверстием. Еще по форме спинного плавника. Самка малого полосатика. Молодая совсем.

– Ну, возможно, – вставляет полицейский. – Как я уже говорил, надо подождать.

– Полосатики в основном живут в Северном полушарии. Карликовые заплывают в южную часть океана, до самой Антарктики. Но эта – не карликовая. У тех другие отметины, так что это малый полосатик, – продолжаю я. Я был уверен в этом с первого момента, как увидел тело, а теперь, посмотрев поближе, убедился окончательно.

Дэн отходит в сторону, пропуская меня к мертвому киту. Сразу за головой у него – зияющая рана. Возле кожи она темно-красная, глубже цвет становится алым. Кит лежит во впадине, заполненной кровью и морской водой. Он совсем небольшой – не длиннее пикапа береговой охраны.

– Что, по-твоему, случилось? – спрашивает турист. – Может, акула?

Мысль об акуле его явно возбуждает. Он говорит с континентальным акцентом – по акценту я и решил, что он турист. К тому же туристы всегда рассуждают об акулах.

Разглядываю рану поближе.

– Нет. Акул такого размера, чтобы напасть на кита, даже детеныша, тут не водится. Да и непохоже на след зубов. Скорее это рана от винта. Наверное, отбилась от матери и вынырнула возле какого-то судна.

– Ты, похоже, много знаешь про китов, – говорит мне мужчина.

– Я много знаю про всех животных острова Лорни, – отвечаю ему. – Когда вырасту, буду морским биологом. Уже провожу эксперименты.

Теперь я чувствую себя увереннее и решаю обратиться к полицейскому:

– Во сколько должен приехать эксперт?

Надеюсь, что смогу задержаться немного и встретиться с ним или с ней. Возможно, эксперт заинтересуется моими исследованиями крабов-отшельников. Если он не специалист исключительно по китам. Иногда встречаются такие ученые, которые занимаются только одним

видом животных. Или только одним родом. Есть и те, у кого специализация шире. Так что они могут интересоваться или нет. Как повезет.

– Он плывет сюда на пароме. Должен прибыть около полудня, – говорит полицейский.

Смотрю на часы. Я обещал отцу вернуться на парковку к десяти. Немного подождать я мог бы, но до полудня – нет.

Глава 3

Остаюсь сколько могу, и полицейский позволяет мне сфотографировать кита, но потом мне надо уходить. Бегу назад; рюкзак стучит меня по спине. Пытаюсь разглядеть отца среди волн. Он рассердится, если я опоздаю. Но, думаю, все в порядке. Волны отличные, так что он, скорее всего, и сам задержится.

Как выясняется, я прибегаю к пикапу сразу после него. Он уже открыл двери, музыка из кабины разносится на всю парковку. Отец сушит волосы полотенцем, гидрокостюм на нем спущен до пояса. Он улыбается и насмывается – похоже, серфинг поправил ему настроение.

– На пляж выбросило мертвого кита, – сообщаю я ему. – Возле Литтли. Это малый полосатик.

– Привет, Билли, как у тебя дела? – говорит отец. В его голосе слышится сарказм – он напоминает, что я забыл его поприветствовать. – Хорошо провел время?

– Привет, пап, – отвечаю я, начиная заново. – Очень хорошо, спасибо. На пляже лежит мертвый кит.

– Ясно. – Улыбка пропадает у него с лица. – А я-то думал: что случилось? Видел полицейские машины.

Больше он ничего не говорит, но заметно мрачнеет. Полицейские ему не нравятся. Никогда не нравились.

– Это самка. Еще маленькая, – продолжаю я.

– Завтракать будешь? – спрашивает отец, игнорируя мои слова. Дикая природа не очень его интересует. Он ходит на работу и занимается серфингом – больше ничего. Но я не обижаюсь. Если б он не предложил, я сам напомнил бы ему про кафе. Я почти всегда голоден, а даже если нет, все равно не отказался бы зайти в «Санрайз».

Кафе уже открыто. Оно находится на втором этаже Спасательского серфинг-клуба, и сверху открывается отличный вид на океан. Отец заканчивает переодеваться, мы поднимаемся по деревянным ступенькам и садимся у окна, где и всегда. На стенах висят фотографии серферов, сделанные в те дни, когда волны были по-настоящему большими. На паре из них отец, хотя понять этого нельзя – на фоне волн фигурки совсем крошечные. Фотографии продаются, поэтому какой-то турист может купить снимок отца и повесить дома на стену, словно он какая-то знаменитость. Не то чтобы отцу это не нравилось, в целом ему все равно. Но сегодня я на них не смотрю. Вытаскиваю из рюкзака камеру, чтобы показать отцу фотографии туши.

– Эй, парни, что будете заказывать?

Я замираю, услышав голос Эмили. Она идет к нам со своим блокнотом и карандашом. Улыбается мне, и я чувствую запах ее духов. Эмили пахнет нагретыми солнцем цветами. Она работает в кафе «Санрайз», но на самом деле не просто официантка. Она здесь только для того, чтобы немного подзаработать, пока пишет диплом. Изучает морскую биологию. Эмили – настоящий ученый. Она мне нравится. Очень.

– Мне большой завтрак, – говорит отец, потирая живот. – И кофе.

– Хорошо покатались сегодня, мистер Уитли? – Она улыбается ему, но недолго; это просто знак вежливости. Потом поворачивается ко мне: – Билли! Тебе как обычно? – Это означает булочку с двумя сосисками и много-много кетчупа.

– Да, пожалуйста, Эмили.

– И кофе? – спрашивает она. Не подмигивает, но бросает в мою сторону наш «тайный» взгляд. Однажды я попросил себе кофе – ну, чтобы произвести на нее впечатление, – но он мне совсем не понравился. Эмили поняла это и принесла мне вместо кофе горячий шоколад. Теперь она всегда задает этот вопрос.

– Да. Ты видела кита? Это детеныш малого полосатика.

– Только слышала, – отвечает она. – Посмотреть времени не было.

– Я сделал несколько снимков. Эксперт по китам уже едет с побережья. Будет здесь около полудня. Может, папа попозже нас подвезет? Когда ты закончишь смену...

Просительно смотрю на отца. Просьба довольно смелая, но почему не попытаться – после серфинга он настроен благодушно.

– Прости, Билли, у меня куча работы. Надо красить оконные рамы.

Иногда я совсем не понимаю этих взрослых. С чего такая спешка? Сейчас почти зима. До следующего сезона бронирований не будет. Уж точно необязательно красить рамы, когда в городок приезжает эксперт по китам!

Эмили замечает мое разочарование и пытается сгладить ситуацию.

– У меня еще есть кое-какие дела. – Она бросает на отца короткий взгляд, словно пытаясь что-то ему сказать. – Но Дэн будет тут, мистер Уитли. В смысле, на случай, если вы захотите, чтобы кто-то присмотрел за Билли.

Лицо у нее дружелюбное и открытое. Оптимистическое.

Вы же помните Дэна Ходжа, спасателя? Так вот, я кое-чего про него не рассказал. Он вроде как встречается с Эмили. Боюсь, именно поэтому я его и недолюбиваю. В любом случае это несерьезно. Она с ним только потому, что никого лучше пока не нашла. Когда она закончит учебу, то выйдет за знаменитого ученого, а не за глуповатого спасателя с пляжа. Может, даже за меня – когда я стану знаменитым ученым. Мы будем с ней вместе заниматься исследованиями.

Отец на мгновение задумывается.

– Ладно. Можешь остаться, если хочешь, Билли. Повидаешься с этим спецом по китам – и сразу назад.

Мне жаль, что Эмили не может пойти со мной, но это неудивительно. Я доволен еще и потому, что не придется помогать отцу с покраской. Обычно мне достается шкурить рамы, а это совсем не так весело, как красить.

– Только не забудь про прилив, хорошо? Ты помнишь, во сколько он начинается?

– Могу посмотреть, если хотите, – вставляет Эмили, вытаскивая мобильный телефон. У нее есть специальное приложение, которое показывает время приливов. Мне приложение не нужно. Я так долго живу на пляже, что чувствую прилив кожей.

Поворачиваюсь к Эмили – она улыбается, потому что ей приятно мне помочь.

– Все в порядке, – говорю я. – У меня есть фотографии кита. Хочешь посмотреть?

– Конечно. Только подожди, сначала принесу ваш заказ.

Мы с отцом провожаем ее глазами до кухни. На Эмили черные брюки, тесно облегающие бедра. Я бросаю взгляд на отца – он все еще смотрит ей вслед.

* * *

– Там был один турист, который подумал, что кита могла убить акула, – говорю я, когда Эмили возвращается с напитками. – Но я сказал, что таких акул у нас не водится. По-моему, кит попал под винт какого-то судна.

При моих словах про акулу Эмили смеется. Смех у нее задорный, звонкий – он разносится по всему залу, и другие посетители оборачиваются в нашу сторону. Вот что мне по-настоящему нравится в Эмили. Она знает, что местные акулы слишком мелкие, чтобы напасть на кита. Она знает практически все о дикой природе острова Лорни, хотя сама и не местная. Эмили вроде нас с отцом – сейчас она живет здесь, но родилась в другом месте. Она приезжала на каникулы и останавливалась у бабушки, пока та не умерла, а теперь Эмили живет здесь постоянно. Наверное, это еще одна причина, по которой она мне нравится. Мы не настоящие местные жители, но про важные вещи знаем куда больше.

– Скорее всего, кита сбил ультразвуковой радар подводной лодки. Я читал о таком, – говорю я. – Как животные путаются из-за них. Потом он подплыл слишком близко к судну и попал под винт.

Эмили ненадолго задумывается.

– Возможно, – заключает она. – Пожалуй, эксперт уже не нужен, ты и так во всем разобрался.

Я раздуваюсь от гордости. Тут парень с кухни кричит, что наш заказ готов.

На этот раз отец не смотрит Эмили вслед. Вместо этого он тянется за газетой, которую кто-то оставил на столе. Это «Айленд таймс». Как-то раз там опубликовали фото мертвого дельфина, выброшенного на берег на Нортэнде. Женщина, которая его нашла, тоже была на снимке. Вот почему я хотел найти кита первым – чтобы попасть в газету. Хотя, если подумать, «Айленд таймс» в последнее время немного помешалась на деле Оливии Каррен, так что вряд ли мертвый кит на этот раз удостоится фотографии. Заголовок на первой странице свежего номера опять посвящен Оливии. Он гласит:

Оливия: спустя три месяца все еще ничего не известно

По-моему, заголовок так себе – ведь он сообщает, что газете нечего рассказать. С тем же успехом они могли заявить: «Сегодня никаких новостей!» Но таковы были все заголовки в последние недели. «Оливия – может ли она до сих пор находиться на острове?», «Дело Оливии: полиция считает, что девочка утонула», «Загадка Оливии: поиски продолжаются». Отец разворачивает газету и быстро пролистывает три первых страницы, все посвященные Оливии. Я просматриваю фотографии на заднем экране камеры. Приближаю и удаляю. Потом возвращается Эмили – на этот раз с нашей едой.

– Ну вот! – Она ставит тарелку сначала перед отцом, потом передо мной. Там целая тонна кетчупа, сосиски обильно политы маслом. Эмили замечает газету в руках у отца. – Есть новости?

Отец, удивленный, поднимает глаза и качает головой.

– Нет. По-моему, полиции пора бы признать, что она утонула. – Он всегда так говорит. Считает, что Оливия Каррен вечером решила искупаться и уже не вылезла.

– Наверное, родители все еще надеются отыскать ее живой, – говорит Эмили. – Такая неопределенность хуже всего. Пусть бы уже кто-нибудь выяснил, что с ней случилось.

В последнее время такие разговоры ходят повсюду. Люди только и обсуждают, что дело Оливии Каррен. Я искренне не понимаю почему. Не в первый раз на острове тонут туристы. Все знают, что океан может быть опасен, неспроста же здесь появился спасательский серфинг-клуб! Но обычно, когда человек тонет, через день-два труп выносит на берег, а Оливию не вынесло, поэтому никто не знает точно.

Со мной, однако, про Оливию Каррен не говорят. Вроде как подобные разговоры – только для взрослых. В моем присутствии все притворяются, что ничего не произошло. Что бы то ни было – этого не случилось. Я знаю почему: на самом деле все думают, что Оливию похитили и убили. А может, еще не убили, а держат в каком-нибудь подвале и насилуют по ночам. Но Эмили другая. Она обращается со мной как со взрослым. Так что я не удивляюсь, когда она спрашивает меня:

– Может, тебе направить твои исследовательские таланты на дело Оливии Каррен, Билли? В конце концов, загадку с мертвым китом ты разгадал в два счета.

Она улыбается, чтобы показать, что пошутила.

Отец тянется за кетчупом и бросает на нее многозначительный взгляд. Похоже, он не считает это хорошей идеей.

– Лучше не будоражь его. Достаточно, что он лазает по скалам и считает птичьи яйца.

Он пытается закатить глаза, но Эмили отводит взгляд и улыбается мне. Она все знает про морских чаек; я рассказывал ей про свой проект. Отцу я тоже говорил, но он все равно ничего не понял.

Эмили отходит от нашего столика, потому что ее ждут другие посетители. Я откусываю от сосиски с булочкой, и жир капает мне на тарелку. Знаю, она сказала это мимоходом, ничего не имея в виду, но внезапно серьезно задумываюсь. Может, мне *и правда* стоит направить свои исследовательские таланты на дело Оливии Каррен? Эта мысль прочно заседает у меня в мозгу. В конце концов, почитайте газеты! Полицейские до сих пор не продвинулись ни на шаг, и я на собственном опыте знаю, какие они бестолковые. Что, если я смогу раскрыть тайну? Представляю себе заголовок в «Айленд таймс»: «*Местный мальчик разгадал загадку Оливии!*»

Это даже лучше, чем попасть на фотографию с мертвым китом.

Да, и вот еще что: никто не знает этот пляж лучше меня.

Глава 4

После завтрака отец отправляется красить рамы, а я бегу обратно на пляж, к киту. Прилив уже гораздо выше, вода доходит почти до группы людей, по-прежнему окружающей тушу. Подойдя к ним, я замечаю еще одну полицейскую машину. Надеюсь, приехал эксперт по китам.

Однако меня ждет разочарование. Это не эксперт, а мистер Мэтьюз, начальник отца. Он владеет коттеджами, которыми управляет отец, плюс большим отелем на другом конце города. Он не очень мне нравится, но отец всегда защищает его. На мой взгляд, мистер Мэтьюз только загребает прибыль, в то время как всю работу выполняет отец. Он ездит на большой машине – по-настоящему большой; обычно она стоит припаркованная возле гольф-клуба. Сегодня ее нет. Думаю, он не захотел заезжать на ней на пляж, чтобы не испачкать машину в песке.

Мистер Мэтьюз говорит с другим полицейским. Тот постарше первого, и внезапно я его узнаю. Всякий раз, когда по телику говорят про Оливию Каррен, он тут как тут. Похоже, он большой начальник. Я узнаю его по дурацким усикам, прикрывающим край верхней губы – похоже, будто там пристроилась гусеница. Кроме того, он чернокожий, а чернокожих на острове единицы. Разговаривая с мистером Мэтьюзом, он поглаживает свои усики.

Первый полицейский присоединяется к ним. Тот самый, с которым я недавно разговаривал. Он сообщает, что это малый полосатик, которого, *скорее всего*, убило винтом. Потом мистер Мэтьюз отводит полицейского начальника в сторонку, где стою я. Он мельком улыбается мне – ибо знает, что я настраиваю в коттеджах вай-фай, – но ничего не говорит.

– Ларри, – обращается мистер Мэтьюз к полицейскому начальнику. – В новостях про нас и так болтают бог знает что из-за той девчонки. Я не хочу, чтобы сюда добавился еще и... – Он бросает взгляд на кита. – *Труп*, гниющий на пляже.

Говорит он тихо, но у меня хороший слух. Важный полицейский продолжает наглаживать усы, вроде как обдумывая его слова.

– Я понимаю, Джим. Честное слово, понимаю. Мы уже вызвали человека из университета, он плывет на пароме. Как только закончит, я позабочусь, чтобы тушу убрали.

Мистер Мэтьюз вздыхает и оглядывает пляж. Возле кита толпится с десяток туристов, собравшихся посмотреть, что случилось. Некоторые делают фотографии. Еще пять-шесть человек идут по пляжу со стороны городка.

– Похоже, ты не совсем меня понял, Ларри. Помнишь, что через полчаса прилив? Может, я договорюсь о лодке? Оттащим тушу подальше, избавимся от нее чистенько и быстро. Пока не пронюхала пресса. Незачем городу фотографии с кровавой лужей.

Я слышу каждое слово – слышу и не верю. Мне хочется вмешаться, сказать, что эксперт будет брать анализы и проводить вскрытие. Но я знаю, что нельзя перебивать мистера Мэтьюза и полицейского начальника. Папа может лишиться работы. А меня могут арестовать.

– Ну же, Ларри! Чертов прилив вынесет кита в самый центр города, если мы не потопимся. Будет еще хуже. Можешь сказать, что туша представляла опасность с точки зрения санитарии. Спорить все равно никто не станет.

Полицейский стоит в задумчивости, продолжая гладить свои усики.

– Сможешь по-быстрому подогнать лодку?

– Конечно.

Полицейский принимает решение.

– Ладно. Если можешь убрать тушу, убирай. Утащить ее отсюда будет легче. Тут волны посильней. Используем это как аргумент, если кто задумает жаловаться.

– Отлично, Ларри, – говорит мистер Мэтьюз. – Очень хорошо.

Он хлопает его по спине, достает мобильный телефон и торопливо набирает номер.

Я в полном отчаянии, но поделать ничего не могу – разве что надеяться, что эксперт доберется сюда прежде, чем они отташат кита. Я не совсем уверен, но, возможно, слово эксперта значит больше, чем слово начальника полиции. Как того эксперта по акулам из «Челюстей». Правда, «Челюсти» – фильм не очень реалистичный, особенно та часть, где акула пытается целиком сожрать лодку. Такого не бывает; они могут куснуть лодку, чтобы понять, что это такое, но поняв, что это не еда, развернутся и поплывут искать тюленя – в таком роде.

Пока я размышляю, мистер Мэтьюз отходит подальше и говорит по мобильному телефону. Потом он возвращается и шепчет инспектору:

– Договорился. Кевин будет здесь через сорок минут. – Потом он качает головой и добавляет, обращаясь, похоже, сам к себе: – Господи боже! Сначала девчонка, потом это... Нам сильно повезет, если в следующий сезон кто-нибудь решится приехать сюда.

После этого двое других полицейских лезут в багажник патрульной машины и возвращаются с лопатами. Они начинают подкапывать песок под хвостом кита. Некоторые считают, что хвост кита называется лопастью, но в действительности он называется все-таки хвостом, как я и сказал, и состоит из двух лопастей. Я подхожу и становлюсь как можно ближе, пытаюсь сталкивать песок обратно в яму ногой, но они начинают сердиться и велят мне отойти, так что больше я ничего не могу поделать. В конце концов, это же *полиция*. Вместо этого я смотрю на часы и хмрю лоб. Чтобы добраться сюда из Голдхейвена, куда прибывает паром, нужно минут сорок, но я не знаю, на каком пароме плывет эксперт. Надеюсь, он или она поторопится.

Я так сильно задумываюсь, что не успеваю заметить, как полицейские подводят веревку под обе лопасти. Они оборачивают ее дважды и завязывают узлом. Меня злит, что у них хорошо получается. К моменту, когда они заканчивают, вода подступает совсем близко, а там, где разбиваются волны, появляется рыбацкая лодка. Как я говорил, волны на этом конце пляжа сегодня небольшие. Смотрю, как мужчины на лодке выбрасывают буй, привязанный к канату; буй очень быстро выносит на берег, и полицейские его подбирают. Они привязывают канат к веревке у кита на хвосте. Теперь все мы ждем.

Четверть часа спустя прибой поднимается настолько, что кит оказывается в воде – торчит над волнами, словно скала. Лодка несколько раз пытается сдвинуть его с места, но пока вода не подхватит его, у них ничего не получится. Они тем не менее продолжают пробовать, громко крича, а потом, десять минут спустя, кит внезапно шевелится. На долю секунды мне кажется, что он и не был мертв, но тут я понимаю, что он просто поплыл. Лодка начинает медленно тащить его на глубину. Волна разбивается о тушу, и та на мгновение скрывается из виду. Когда она появляется снова, то выглядит блестящей и чистой. Потом туша переворачивается, и становится виден белый живот. Кита медленно волокут в открытое море.

Через полчаса тушу почти не видно: лодка утаскивает ее за мыс. Не знаю, где они собираются ее выбросить; очевидно, подальше от острова. Я смотрю, как лодка пропадает за скалами, а потом разворачиваюсь, по-прежнему сердитый из-за того, что произошло. И тут замечаю незнакомого мужчину на парковке за дюнами. Судя по его одежде, рюкзаку за плечами и смешным круглым очкам, это и есть эксперт.

Глава 5

Когда я возвращаюсь домой, отца еще нет, поэтому я разжигаю горелку и начинаю готовить ужин. Обычно в такие моменты я включаю телевизор, но сегодня мне не до него. Занят размышлениями.

И очень зол из-за кита. Не потому, что не смог познакомиться с экспертом и рассказать ему про свой проект с крабами-отшельниками, а потому, что полицейские поступили неправильно. Если б они дождались прибытия эксперта, он измерил бы раны, взял разные пробы и образцы, которые нужны для науки. А теперь ничего не выйдет. Они выкинули самую главную улику, которая у них была.

Не могу не усмотреть аналогии с тем, как полиция провалила дело Оливии Каррен. Та детектив, что допрашивала меня, по сути, проигнорировала информацию о том, откуда Оливия узнала про дискотеку в Спасательском серф-клубе. Что еще, интересно, они проглядели? Тут я думаю об Эмили и о том, какое у нее становится лицо, когда она заговаривает про девочку. Я знаю почему. Эмили боится, как бы то, что случилось с Оливией Каррен, не произошло с ней. Так может, мне все же стоит заняться этим делом? Может, я смогу раскрыть его, пока полиция топчется на месте? В конце концов, отец всегда говорит, что полицейские – бездари и взяточники.

В каком-то смысле то, что я еще ребенок, играет мне на руку. Вот, например, когда сегодня мистер Мэтьюз с полицейским разговаривали на пляже, то отошли подальше от остальных взрослых, чтобы их не услышали, но *на меня* не обратили внимания. Большинство людей в городе обращается со мной будто я невидимка. Так может, не такая уж и безумная идея попытаться понять, что произошло? Я ведь уже давно занимаюсь разными проектами, и у меня получается...

С другой стороны, я и без того достаточно занят – проектом, школой и много чем еще.

Сам не знаю. Пока готовится ужин, я несколько раз меняю свое решение. Я делаю спагетти болоньезе, потому что их любим и я, и отец.

Но когда отец приходит домой, то сразу говорит, что очень устал. Он опять в своем «странном» настроении. Наверное, красил слишком долго. Первым делом он открывает банку с пивом. Потом молча берет свою тарелку и усаживается перед телевизором.

Иногда я смотрю телевизор вместе с ним, но сегодня слишком взволнован и мне нужно подумать, поэтому я ем на кухне. Поев, поднимаюсь в свою комнату. Надо бы сделать домашнюю работу, но за учебники я не сажусь. Вместо этого создаю в ноутбуке новый документ и начинаю записывать все, что помню про дело Оливии Каррен. Получается вот что:

Дата пропажи: 26 августа

Место: Спасательский серф-клуб Силверли (диско-вечеринка в честь конца сезона)

Общие сведения:

Оливия Каррен – шестнадцатилетняя девочка, остановилась на две недели в коттеджах «Сифилд», в № 1, вместе с братом (14) и родителями (возраст неизвестен, но оба старые). На половине своего пребывания посетила дискотеку в Спасательском серф-клубе, расположенном прим. в 50 ярдах от коттеджа. Родители утверждают, что ни в тот вечер, ни на следующий день в коттедж она не вернулась.

В воскресенье, 27 августа, полиция начала поиски с привлечением патрулей с острова, а затем с континента. Съехалось много полицейских машин (я насчитал семь, припаркованных в ряд). У некоторых полицейских были собаки, а еще на пляже приземлился вертолет. Многие местные тоже помогали в поисках, но не отец (и не я). Никаких следов Оливии обнаружить не удалось.

В понедельник, 28 августа (каникулы еще продолжались, поэтому в школу никто не ходил), поиски были усилены. Помимо полицейских, в них принимала участие береговая охрана с катерами и аквалангистами. История попала во все газеты, в некоторых – на первую полосу. Я имею в виду национальные газеты, а не только «Айленд таймс».

Во вторник, 29 августа, поиски продолжились. Утром женщина из полиции пришла к нам поговорить с отцом, потому что та семья останавливалась в нашем коттедже, но отец сказал, что даже не встречался с ними. Тут я сообщил ей, откуда Оливия узнала про дискотеку. После обеда мы с отцом видели со двора, как полиция обыскивает дюны. Они продолжали работать, даже когда стемнело; в темноте нам хорошо были видны их фонарики.

Я уже начал писать про среду, но тут понял, что больше сказать мне нечего – поиски продолжались, но результата не давали. Так было с самого исчезновения Оливии.

Я решил, что самая главная часть – это та ночь, когда она пропала. Поэтому зашел в интернет, на сайт «Истерн дейли ньюс». Там как-то опубликовали подробную хронологию ее последних подтвержденных перемещений. Я скопировал хронологию в свой документ.

Хронология:

Суббота 20.30 – Оливия приходит в Спасательский серф-клуб Силверли, на диско-вечеринку в честь окончания сезона с матерью, отцом и братом. Она сразу же присоединяется к группе девочек-подростков, с которыми познакомилась и подружилась в предыдущую неделю.

Суббота 21.00 – Оливия с подружками едят возле зоны барбекю; все видит, что они смеются и выпивают.

Суббота 22.00 – Оливия с подружками первые начинают танцевать и танцуют около часа. Оливия выглядит веселой и полностью довольной вечеринкой.

Суббота 22.37 – Семья Оливии уходит с вечеринки и возвращается в коттедж, расположенный менее чем в ста ярдах от клуба. Перед этим мать напоминает Оливии, что она должна быть дома не позже полуночи; Оливия обещает. Это последний раз, когда ее видят члены семьи.

Суббота 23.00 – Оливия с подружками выходят из помещения, потому что вечеринка продолжается на улице; они болтают и выпивают.

С 23.00 до 01.00 Оливию видят несколько раз, но данные расходятся – она то ли на пляже, то ли в клубе.

Воскресенье 01.15 – Вечеринка подходит к концу. Многие гости уже разошлись; остались преимущественно подростки и молодежь, причем сильно пьяные.

Воскресенье 01.30 – Дискотека официально заканчивается, клуб закрывается, двери запирают. Группа молодежи некоторое время остается поблизости, после чего многие отправляются на вечеринку в дом 45 по Принцесс-стрит, в квартиру, которую арендуют члены Спасательского серф-клуба Силверли. Показания насчет того, была там Оливия или нет, расходятся.

Воскресенье 04.00 – Импровизированная вечеринка в доме 45 по Принцесс-стрит заканчивается, большинство участников расходятся, некоторые остаются ночевать в доме.

Воскресенье 08.00 – Сьюзан Каррен обнаруживает, что ее дочь Оливия не вернулась в коттедж, но решает, что та заночевала где-то еще. В полицию семья звонит только около полудня.

Воскресенье 11.45 – Джозеф Каррен обращается в полицейский участок Силверли с заявлением о пропаже дочери, Оливии Каррен.

Время уже позднее. Перечитываю все, что записал, и моя уверенность ослабевает. Решаю, что идея Эмили, чтобы я расследовал дело Оливии Каррен, все-таки сумасшедшая. К тому же я сильно устал. Нажимаю на крестик в углу, чтобы закрыть файл, и компьютер спра-

шивает, хочу ли я его сохранить. Уже почти говорю «нет», но в последний момент передумаю. Создаю новую папку «Морское блюдечко¹» и сохраняю его туда. Я заметил, что большинство людей не интересуются морскими блюдечками, поэтому, если мой компьютер взломают, в папку с таким названием заглянут в последнюю очередь. Защищаю файл паролем, как все свои документы, – на всякий случай.

Потом переодеваюсь в пижаму и ложусь спать.

¹ Морское блюдечко – собирательное наименование для ряда раковинных брюхоногих моллюсков, чьи раковины не завернуты спиралью.

Глава 6

В воскресенье отец просыпается позднее обычного. Мы снова едем в Силверли, потому что волны по-прежнему маленькие. Когда отец заходит в воду, я думаю о том, чтобы пройтись по пляжу и посмотреть, не вынесло ли кита обратно. Но с утеса утром я его не видел, так что идти смысла нет. Может, он утонул. Вместо этого я решаю заняться своим проектом с крабами-отшельниками. И направляюсь в сторону Нортэнда.

Нортэнд – странное место. Много лет назад там добывали серебро. Именно так город и получил свое название: Силверли². Это было настоящее, чистое серебро в самородках. Через утесы пробурили туннели; кое-где они выходят на пляж. Но потом однажды поднялся сильный шторм, и волны подточили утес. Шахта обвалилась. Дело было серьезное, много шахтеров погибло. Но это произошло давным-давно, так что больше не имеет значения. К чему я это рассказываю: серебряные самородки, которые там добывали и хранили перед отправкой на континент, оказались на пляже. Они до сих пор там – в песке и в расселинах между скалами. Так что в отлив на Нортэнде можно найти много серебра.

Когда я был маленьким, мы с отцом часами копались там – я с маленьким ведерком и сачком, а он в рубахе с закатанными рукавами. Обыскивали полости литорали³ в надежде найти серебро. Каждый раз, когда мне что-нибудь попадалось, я звал отца, и он подходил посмотреть. Но это всегда была то крышка от банки с пивом, то фольга от упаковки чипсов. Отец все равно улыбался и говорил, что надо продолжать искать – однажды нам попадетсся самородок. Я обожал искать серебро и не хотел уходить с пляжа, поэтому отцу приходилось в конце концов уносить меня на руках, а я спал, положив голову ему на плечо, настолько был вымотан.

Серебра мы так и не нашли – ни крошки. А теперь больше не ищем. Наверное, я для этого уже взрослый. Отец больше увлекается серфингом, а я не захожу в воду – ну, вы уже знаете. Но туристы летом продолжают искать. Покупают себе специальные ведерки «Серебряные самородки Силверли» и «сачки для серебра», которые ничем не отличаются от обычных детских сачков на палочках, только стоят гораздо дороже. Туристы тоже ничего не находят. Я уверен, что все серебро пропало.

Но это не значит, что на Нортэнде нет ничего интересного. Там идеальное место для моего проекта.

Идти до Нортэнда по пляжу где-то полчаса, и я успеваю как следует разогреться. Вижу, что отлив продолжается, и это хорошо, но все равно я хмурю брови, поскольку не знаю, достаточно ли отступила вода. Только на максимуме отлива можно перейти на ту сторону мыса. За ним – еще один маленький пляж, куда я и направляюсь. Отец раньше называл его «секретным пляжем», хотя он не такой уж и секретный, просто туда трудно добраться, и некоторые считают его опасным. На мысу есть даже специальный знак. Я как раз прохожу мимо него. Там сказано:

ОПАСНО!

В ПРИЛИВ ДАЛЬШЕ НЕ ЗАХОДИТЬ!

Ребенком я никогда не заходил дальше этого знака. Всегда боялся, что меня отрежет водой и я утону. Отец говорил, что на пляж ходить можно, если следить за приливом, но все равно пару раз мы едва не попали в ловушку. Ему нравится заходить за знак отчасти потому,

² Англ. silver – серебро.

³ Литораль – зона побережья, заполняющаяся водой только во время прилива; под литоральными полостями могут иметься как открытые (приливные заводи, ванны), так и скрытые от прямого света (пещеры) углубления в породе.

что там, по его мнению, больше шансов найти серебро, ведь туристы редко забредают туда. А отчасти потому, что таков уж мой отец.

Теперь я стал гораздо увереннее. Знаю, что у меня есть около часа, пока не начнется прилив и не отрежет пляж от остального острова. Опасности нет, если не забывать про время. Вроде бы помню, что сегодня отлив в одиннадцать, но не до конца уверен, потому что, когда смотрел расписание, думал про кита. Ничего, просто буду осторожен.

Когда добираюсь до мыса, там остается достаточно песка, чтобы пройти, не вскарабкиваясь на скалы. За мысом пляж Силверли скрывается из вида – его загораживают скалы, которые я только что миновал. Маленький пляж чудесный. Другого способа попасть туда нет – никаких дорожек на скалах. Даже с утеса его не видно. Вот почему опасно оказаться отрезанным там. В прилив пляж пропадает под водой, а скалы слишком крутые и наверх по ним не взберешься.

На секретном пляже никого нет; я совсем один. Раз за мной никто не шел, то мои следы должны быть единственными на песке.

Времени у меня немного. Прибавляю шаг, двигаясь по твердому влажному песку к другому краю пляжа. Ко входу в лабиринт.

Мы нашли лабиринт вместе с отцом много лет назад. Сначала думали, это просто пещеры, но позднее Эмили мне рассказала, что на самом деле мы попали в заброшенную шахту. Там сохранились старые туннели и камеры, пробуренные в скале давным-давно. С каждым приливом вода заполняет их. Мало кто знает про эти туннели; в них ведет только один маленький вход под уступом скалы. Оказавшись внутри, лучше снять обувь, потому что там мокро. И темно.

Прежде чем войти, я оглядываюсь на океан. Вода еще низкая, но все равно я рискую. Иногда, увлекшись проектом, теряю счет времени. Покусывая ноготь, я раздумываю, что делать. Потом решаю, что зайду только на минутку – посмотреть.

Из рюкзака я вытаскиваю специальный фонарик. Включаю его, потом наклоняюсь и ныряю под уступ, в темноту. Времени у меня немного. Только проверю, сколько смогу найти.

Глава 7

Я ступаю в холодную неподвижную воду. Джинсы у меня подвернуты до колен. Низко пригибаю голову, чтобы не удариться о каменный потолок. Дальше будет участок повыше, где с потолка обвалился кусок породы, а потом опять понижение. Я почти ничего не вижу, потому что света от моего фонарика нет, но это не означает, что он сломан. Когда добираюсь до пещеры, это становится ясно. Из темноты сияют разноцветные пятна. Что-то красное пробегаёт по полу. Единственный звук – медленное капанье воды, стекающей с потолка.

Наверное, надо объяснить вам, что у меня за проект с крабами-отшельниками и почему я им занялся.

Все началось с Эмили. У себя в университете она изучает медуз – особо ядовитую разновидность, обитающую у побережья Южной Америки (в водах потеплее, хотя это же медузы – куда их несет, туда они и плывут). В прошлом году на целых шесть недель уезжала в экспедицию, чтобы их изучать. Большинство рыб погибают, попавшись в щупальца медузы. Медуза растворяет их и поедает, но есть такие рыбки, которые плавают между щупалец без вреда для себя. Эмили говорит, что у них в крови специальный антидот. Его-то она и изучает. Скоро она снова уходит в экспедицию на том же самом судне, «Марианна Дюпон». Оно французское. Или канадское. Что-то в этом роде, я точно не знаю. В общем, мне стало обидно и немного грустно, что Эмили уедет так надолго. Потому что я, естественно, поехать не могу – у меня школа и на экспедицию нужно много денег. Но тогда Эмили сказала мне, что ее подруга в университете проводит другое исследование. И что самое крутое – ей нужны волонтеры.

Исследование касается крабов-отшельников. Их ареала обитания и численности популяции. Понимаете, никто толком этого не знает, потому что их не изучали. По крайней мере, до доктора Рибальд. Так ее зовут, эту ученую, подругу Эмили, – доктор Сьюзан Рибальд. Она хотела, чтобы люди, живущие близ каменистой береговой линии в разных странах мира, наблюдали за своими пляжами и записывали число и распределение крабов-отшельников. Конечно, ей нужны были не простые люди, а с научным подходом. И Эмили предложила *меня*, потому что мой подход очень научный. Так что вот чем я занимаюсь. Помогаю доктору Рибальд.

Нас таких много по всему миру – по крайней мере, было много. Думаю, к нынешнему моменту большинство уже прекратили. Изначальная идея была в том, чтобы пометить краской панцири крабов-отшельников, которые окажутся в одной полости, а потом подсчитывать, сколько из них останется там же после прилива. Так можно понять, насколько далеко они могут забраться. Если честно, я попробовал, но это было сложно, потому что в следующий раз я не нашел ни одного помеченного краба.

И тут я кое-что придумал. В приливных пещерах на Нортэнде всегда *темно*. Я-то знал, что там водятся крабы-отшельники, потому что видел их раньше, с отцом. В детстве они меня пугали, когда начинали шевелиться в потемках.

Так вот, я решил раздобыть ультрафиолетовой краски – такой, что светится в темноте и которую распознают сканеры в магазинах при проверке подозрительных купюр. Если пометить панцири крабов такой краской, я смогу легче отыскивать их, когда надо будет узнать, куда они забрались.

Я рассказал об этом Эмили, и она помогла мне написать письмо доктору Рибальд, а та ответила, что это «очень интересная идея», и попросила меня сообщить, как пройдет эксперимент. Я зашел в интернет, чтобы купить краску. Сканер мне не продали, потому что я несовершеннолетний, но я выяснил, что могу приобрести ультрафиолетовый фонарик, который с виду не отличается от обычного, но когда его включаешь, кажется, что света он не дает. И еще краску разных оттенков.

Это было в начале года. С тех пор дело сдвинулось с места. В пещерах на Нортэнде я пометил больше двухсот крабов. Некоторые в темноте светятся голубым, некоторые желтым, некоторые зеленым и некоторые красным. А поскольку выбраться они не могут, я каждый раз нахожу их, когда оказываюсь здесь.

Вот и сегодня я обвел фонариком пещеру. Несколько крабов засветились в ответ, но гораздо меньше обычного. Я начал пересчитывать их, а когда закончил, разнес по правильным выемкам в камне. Оранжевых – в выемку под оранжевой скалой, голубых – под голубой, и так далее.

В общем, такой у меня научный проект. Я же говорил, что занимаюсь серьезными исследованиями. А поскольку они по-настоящему важны, я решил не браться за дело Оливии Каррен. Это мешает моей научной работе, и доктор Рибальд наверняка будет разочарована. Она говорила, что я отличаюсь «необыкновенной скрупулезностью»...

За час я насчитал тридцать два краба. Двенадцать из них красные, десять – оранжевые, восемь – желтые и еще два голубые (голубых отыскивать сложнее, потому что краска светится не так сильно). Это *значительно* меньше, чем в прошлый раз. Меня так и подмывает забраться поглубже в пещеры, но мне не нравится уходить далеко от входа. Появляется ощущение, будто утес своим весом давит на тебя.

И тут, запаниковав, я вспоминаю про прилив.

Пока считал, мне пришлось подвернуть джинсы выше колен, потому что вода в пещерах поднималась, но я был так занят крабами, что не обратил на это внимания. Теперь я знаю – прилив начался. Вода, наверное, уже подступила к выходу из пещеры, закрыв собой почти весь пляж. Быстро хватаю свой рюкзак с камня, где его оставил, и бросаюсь в ту сторону. Вода плещется выше моих колен, прилив явно сильный. Океана я не вижу – не вижу вообще ничего, кроме мутного свечения в воде. Никогда так не задерживался, и на мгновение замираю в нерешительности, гадая, нет ли другого выхода. Может, лучше остаться и подождать, пока вода спадет? Но соображаю, что так нельзя. Пещеры заполняются до самого потолка; я знаю это, потому что на нем сидят моллюски.

Выбора у меня нет. Мой рюкзак водонепроницаемый, но надо покрепче затянуть тесемки. Снимаю джинсы и сую их в рюкзак, оставшись в одних трусах. Рядом никого, но мне все равно неловко. Чувствую, как дрожат мои руки. Надо шевелиться. Смотрю в сторону выхода – узкой щели в стене, куда уже просачивается вода. Если неправильно выберу момент, волна сойдет со мной, но я не вижу океана и не могу заранее спланировать. Придется подождать, пока волны не станут чуть тише, и потом вылезать.

Если у вас клаустрофобия, вход в пещеру вам точно не понравится. Он правда узенький. Я спотыкаюсь о камень, притаившийся под водой, но стены смыкаются у меня по бокам, не давая упасть. Я только ударяюсь локтем о скалу. Но со мной все в порядке. Мгновение спустя я снова оказываюсь под серым небом; скалы уходят далеко вверх. Меня пугает то, как мало пляжа еще осталось. Надо скорее бежать к мысу, иначе так и застряну здесь. Мне еще повезло, что волны сегодня не особо сильные. Едва успеваю обогнуть мыс. Еще десять минут, и я, целый и невредимый, подхожу к табличке с надписью

ОПАСНО!

В ПРИЛИВ ДАЛЬШЕ НЕ ЗАХОДИТЬ!

Снова одеваюсь, но кеды оставляю в рюкзаке и оставшуюся часть пути проделываю босиком по мокрому песку, позволяя прибою лизать мне пятки.

Глава 8

Случившееся заставляет меня снова изменить решение. Пусть кому-то покажется, что у меня семь пятниц на неделе, но я *буду* расследовать дело Оливии Каррен.

Сегодня понедельник, так что я в школе. Раньше ходил в младшую школу Силверли, но в прошлом году перевелся в старшую. Она в Ньюли, столице острова. До нее двадцать минут на машине или полчаса на школьном автобусе. Я сажусь в него в конце нашей улицы вместе с еще одной девочкой, которая уже ждет на остановке. Ее зовут Джоди. Хотя она на год меня старше, мы вроде как друзья. Иногда болтаем, пока дожидаемся автобуса и пока он едет до Силверли. Дальше Джоди перестает разговаривать, потому что в автобус садятся другие дети, а она не хочет, чтобы нас застали за разговором. Я не обижаюсь. Ее можно понять. Болтать со мной не очень-то круто.

Но я немного забегаю вперед. Все из-за нервов. Дело в том, что у меня *есть* зацепка.

В это утро, в ожидании автобуса, Джоди не говорила со мной – она сидела в своем телефоне. Когда автобус подъехал, я устроился спереди, а она прошла назад. Я, как обычно, достал из рюкзака книгу – читаю новый учебник под названием «Морская биология: процессы, экология и биоразнообразие», автор Джеффри С. Левинтон. В школьной библиотеке его не было, но я так просил, что миссис Смит, библиотекарьша, заказала учебник специально для меня. Похоже, она понимает, как важно поддерживать юные таланты. Читать его нелегко, но зато там много иллюстраций. Короче говоря, я не думал про Оливию Каррен, пока читал, или, по крайней мере, не *осознавал*, что думаю про нее, но и книгу тоже листал невнимательно. Вместо этого размышлял. Представим: если Оливию Каррен похитили или убили, то кто мог это сделать? Я как раз перебирал в уме список подозреваемых, как вдруг из задней части автобуса кто-то из старших мальчишек выкрикнул: «Педофил! Педофил!» – а все стали смеяться.

Я тогда не обратил на это внимания, но позднее, уже в школе, сообразил, что это может означать.

Вообще-то школу я не люблю. Меня не интересует ни спорт, ни музыка, ни все прочие вещи, о которых болтают другие дети. Я не знаю футболистов и музыкантов, которых они обсуждают. Уроки еще могу терпеть, особенно биологию, и некоторые учителя у нас ничего, но частенько их нет поблизости – например, на переменах и в обед. И тогда другие ребята ко мне пристают.

Именно так получилось сегодня на обеде. Я собирался пойти в школьную библиотеку почитать, но старшие перегородили мне дорогу. Один сдернул рюкзак с моего плеча и спросил, что в нем. Помимо «Морской биологии» там почти ничего не было, но я не хотел показывать им, потому что именно с этого и начинаются все неприятности. Тогда другой мальчишка начал меня обзывать. Это тоже обычное дело – меня часто обзывают неудачником и придурком, но я не обижаюсь, потому что все равно не хочу с ними дружить. Но сегодня тот, что кричал в автобусе, назвал меня по-другому.

– Билли, ты чертов сраный педофил, понял?

Этого мальчишку зовут Джаред Картер. Он живет в Силверли и учится на два класса старше меня. Джаред действительно тупой. Однажды я видел его тетрадь по английскому: учитель проверял ее, пока вел урок у нас в классе, а я закончил задание пораньше. Я хотел прочесть его работу, но, честно, он совсем безграмотный. Просто ужас какой-то.

– Он кто? – Один из приятелей Джареда – высокий парень с темными волосами – громко расхохотался. Имени его я не знал.

– Педофил, – повторил Джаред, уже не так уверенно.

– Как *он* может быть педофилом? Он же ребенок. Тогда уж он... ну, я не знаю, *сучка* педофила. Но не педофил же!

– Почему нет?

Высокий парень отвесил Джареду подзатыльник. Ударил довольно сильно. Я воспользовался возможностью и сделал несколько шагов по коридору.

– Э! Ты чего? – воскликнул Джаред. Кажется, ему было больно.

– Потому что ты гребаный идиот! Даже не знаешь, что значит педофил, так ведь?

– Вот и знаю!

– И что?

Тут-то до меня и дошло. Ровно в тот момент, когда Джаред отступил. Утром он выругался, не зная значения слова «педофил». Он для этого слишком глуп. Джаред просто увидел в окно того хромого. Все мальчишки в Силверли обзывают его. У них на хромого реакция, как у собаки Павлова. Обычно я игнорирую подобные вещи, вот и не заметил сразу. К тому же до этого я не занимался убийцами и похитителями детей.

Хромой действительно выглядит страшновато. Думаю, именно поэтому мальчишки к нему и пристают. Но теперь мне надо было убедиться.

– Эй, Джаред, – сказал я, надеясь, что не попаду в новую неприятность. – Почему ты обзываешь хромого педофилом?

Мальчишки замерли и уставились на меня, будто не знали, что я умею разговаривать.

– Того мужчину с хромой ногой. Ты обругал его из автобуса сегодня утром.

– Чего ты там бормочешь? А, педофильская сучка? – сказал высокий, снова оборачиваясь ко мне.

Не надо было с ними заговаривать, не подумав! Теперь я понимал, что это очень плохая идея.

– Просто спросил, почему вы его так называете, – сказал я, и мой голос слегка дрогнул.

– Потому что он такой и есть. Вот почему, – ответил Джаред, радуясь, что он снова на коне, и сделал шаг в мою сторону.

– Да, но... почему все-таки? – спросил я, еще немного отступая.

На мгновение мне показалось, что Джаред сейчас меня ударит, но вмешался высокий:

– Его на этом поймали. Мне мой старик говорил. На континенте. Застукали, когда он занимался этим со школьницей.

Я сделал мысленную заметку – проверить информацию. Поскольку теперь все тарасились на высокого парня, я решился задать еще один вопрос.

– Он ее убил? – с надеждой произнес я.

– Нет. Только это... ну... трахнул. Вроде того. Я толком не знаю. Изнасиловал, наверное.

Его слова меня обескуражили, но потом я подумал, что если б он ее убил, то никто не пустил бы его на остров. Он давно бы сидел в тюрьме.

– Ты знаешь его имя? – спросил я. Зная имя, я погуглил бы его и все выяснил. Сегодня же покончил с этим делом. Но имени он не знал.

– Понятия не имею, придурок, – фыркнул высокий, тоже приближаясь ко мне. Теперь передо мной стояли он и Джаред, и все шло к тому, что меня побьют. По опыту я знаю, что те, кто дразнит, редко лезут в драку, потому что у них могут быть проблемы. Но если другие на них смотрят, то они могут – просто чтобы как-нибудь закончить разговор.

– Ты отстанешь или хочешь получить, а? – поинтересовался Джаред.

Я решил, что вытянул у Джареда и его приятелей всю информацию, какую мог, так что забросил рюкзак за плечо и выбрал первый вариант.

В отличие от Джареда, я не дебил. Они считают этого парня педофилом, потому что сложили два и два: он странно прихрамывает при ходьбе, и они слышали про изнасилование. Но я знаю кое-что еще. Что-то, имеющее прямое отношение к Оливии Каррен. Знаю, что *он был там в ночь, когда она пропала*. Знаю, потому что сам там был и видел, как он прячется в темноте.

Вот почему я в конце концов решил заняться расследованием. Думал-думал про подозреваемых и вдруг заполучил одного. самого настоящего. Подозреваемого, который мог похитить Оливию Карен. Я же собирался стать тем, кто ее найдет. По сути, у меня не осталось выбора. Начало было положено. С помощью Джоди.

* * *

Снова сижу в автобусе. Мы едем из школы домой. Дожидаюсь, пока ребята из Силверли сойдут и мы с Джоди останемся одни. Собираюсь поговорить с ней, потому что она знает того парня, педофила. Ну, или ее отец знает. Я видел, как они вместе выходили из церкви. Мы с отцом часто возвращаемся с пляжа, когда заканчивается служба. И нам попадаются Джоди с мамой, принаряженные, а иногда и ее отец – он разговаривает с педофилом, который ходит странной походкой.

Наконец Силверли остается позади, а мы с Джоди продолжаем ехать. Наша остановка последняя. Иду назад, где сидит Джоди.

– Привет, Джоди, – говорю я, будто невзначай.

Она ненадолго отрывает глаза от мобильного телефона.

– О! Привет, Билли...

И снова ее взгляд упирается в экран. Пока я ждал подходящего момента, мне казалось, все должно пройти легко. Теперь же, когда мне по-настоящему надо ее спросить, я сильно смущаюсь. Но наша остановка совсем близко.

– Что ты хотел?

Она говорит это из вежливости, но я пользуюсь моментом.

– Узнать у тебя кое-что, – начинаю я. – Знаешь того парня с больной ногой, который живет в Силверли?

Она хмурится.

– Ну того, который вечно рыбачит по ночам. Твой папа с ним знаком. Я видел их вместе возле церкви.

– Мистера Фостера? – Она кривится.

– Это его фамилия?

– Вроде бы. А что?

– Какое у него имя?

– Понятия не имею. Тебе зачем?

– Так просто, – отвечаю я. И продолжаю: – Тебе известно что-нибудь о нем?

– Например? К чему все эти вопросы?

Я заранее решил не говорить Джоди, что расследую исчезновение Оливии Каррен, потому что мы с ней *не такие уж* и друзья. Поэтому теперь не знаю, что ей ответить.

– Просто так.

– С чего бы?

– Да ни с чего.

Она щурится с подозрением, а потом трясет головой.

– Странный ты мальчик, Билли Уитли.

Ненадолго задумываюсь, не применить ли другой подход. Но бросаю эту затею. Как я уже говорил, Джоди иногда забывает, что мы с ней друзья. Мне все равно. Я выведал, что хотел. У меня есть его имя. *Мистер Фостер*.

Глава 9

Здесь надо немного вернуться назад. Я должен рассказать вам, как получилось, что я увидел мистера Фостера на пляже в ту ночь. Как уже говорил, я тоже был там.

Не особо люблю вечеринки и дискотеки, но отцу они нравятся, поэтому иногда мне приходится сопровождать его. В этом смысле дискотеки в Спасательском серф-клубе неплохие, потому что там всегда устраивают барбекю. Еще мне нравится, что ими отмечают конец лета. После этого город пустеет, и я получаю назад свой пляж. Собираются все – и местные, и туристы – и каким-то образом перемешиваются так, как никогда за лето, ведь теперь никто не беспокоится, как заработать побольше.

В тот день после обеда отцу надо было завезти в клуб колонки. Мы проехали по пляжу с колонками в кузове пикапа. День был жаркий, на пляж съехалась куча народу, и нам негде было припарковаться. Отцу пришлось поставить пикап на проезде, который оставляют для «Скорой помощи», – чтобы она могла при необходимости попасть на пляж. Обычно отца не волнует, где он ставит машину, но насчет места для «Скорой» он очень щепетилен. Так что мне пришлось остаться в кабине с ключами – на случай если пикап придется переставлять, – а отец стал по одной заносить колонки.

Но, поскольку был уже конец лета, люди с пляжа разъезжались пораньше, и очень скоро на парковке освободилось одно место. Так что я решил сам переставить пикап. Вообще, садиться за руль мне не полагается, но водить я умею. Отец научил меня прошлой зимой на парковке в Литтли, когда рядом никого не было. У меня и это получилось, если не считать, что я чуток поцарапал краску. Совсем немножко и не по своей вине, потому что столбик был совсем низенький, но отец все равно сильно разозлился.

На этот раз я был осторожен. Медленно сдал назад. И тут, когда уже готов был заехать на свободное место, минивэн обставил меня и зарулил туда сам.

Может, другой водитель не понял, что я собираюсь занять парковку, – в конце концов, назад я сдавал несколько минут и двигался, наверное, не очень ровно. Но все равно мне стало обидно, и потому я обратил внимание на водителя. Это был тот самый парень, хромой. Помню, я сначала рассердился, а потом почувствовал себя виноватым, потому что отец всегда говорит, что нельзя судить людей по внешности. Но из-за этого парня мне пришлось стоять посреди парковки и ждать, пока освободится еще место. В общем, я смотрел на него: как он открывает багажник своего минивэна и вытаскивает оттуда удочки и снасти.

Вот почему позже я его узнал. Когда он прятался в темноте.

– Давай-ка подвинься, – сказал отец; он уже выгрузил колонки. – Загоню пикап на пляж. Там парковка только для местных, ага?

Он ухмыльнулся, глядя в мою сторону. Ему нравится думать, что правила – для туристов.

Я перелез на пассажирское сиденье, и отец проехал по узкой тропинке через песок и камни к твердой части пляжа. Ездить по ней ужасно приятно, вот только это запрещено. Разве что в чрезвычайных ситуациях, например, когда на пляж выносит китовую тушу. Тогда полицейские и береговая охрана подъезжают к ней. Ну, или если вы – мой отец и вам негде припарковаться. Короче, отец проехал немного по пляжу, чтобы пикап не было видно с парковки и ему не выписали штраф.

Потом мы прошли обратно до клуба. Помню, сколько народу было внутри. Там развешивали разные украшения, выкладывали банки с пивом на лед, переставляли столики. Мне сразу нашлась работа: передвинуть стойку с серфами и мокрыми гидрокостюмами к дальней стене. Пришлось потрудиться, потому что гидрокостюмы тяжелые и ужасно воняют, ведь люди мочатся в них. Когда я закончил и вымыл руки, отец уже раздувал жаровню, размахивая над углями двумя картонными тарелками, по одной в каждой руке, а Эмили смеялась над тем,

какое красное у него лицо. На столе перед отцом стояла открытая банка с пивом, так что я понял: мы задержимся надолго.

Очень скоро в клубе яблоку негде было упасть, а на закате началась музыка – играла местная группа. Мне поручили новую работу. В цену билета входили бургер или хот-дог и напиток – банка пива или пластиковый стаканчик вина для взрослых, «Пепси» или «Фанта» для тех, кому еще не исполнилось 21. Моя задача заключалась в том, чтобы выдавать гостям булочки: круглые для бургеров, длинные для хот-догов. Миссис Робертс, которая обычно работает в магазине, стояла рядом со мной и раздавала напитки – я же еще маленький, чтобы заниматься алкоголем. Следующим за ней стоял отец, жарил на гриле котлеты и сосиски, а Эмили поливала их соусами. Постепенно к барбекю выстроилась длинная очередь. И вот тогда-то я во второй раз поговорил с Оливией Каррен.

Она пришла со своей семьей, но держалась не с ними – вы понимаете, что я имею в виду. Хотя они явились вместе, по приходу сразу разделились: мама, отец и брат сбились в кучку, а Оливия еще раньше подружилась с другими девочками, и теперь они веселились в своем кругу. Ей явно не хотелось, чтобы ее видели с родителями.

Когда ее отец прошел мимо, то, похоже, вспомнил меня и сказал что-то насчет «самой важной в городе работы, которая всегда мне достается» – точно я не помню. Правда, тогда я подумал, что так и не погуглил про ту ошибку с вай-фаем в интернете.

Оливия выглядела по-другому, вся наряженная для вечеринки. Она накрасилась и уложила волосы. Я и не узнал бы ее, если б она не улыбнулась. Дальше я помню вот что.

Сначала она болтала с другими девчонками. Они хихикали и поглядывали на спасателей. Те пили пиво и делали вид, что не смотрят на них, но на самом деле смотрели. Оливия ничего мне не сказала, когда протягивала билет, но потом узнала меня и спохватилась:

– Ой, привет! – Улыбнулась. – Тебя тут вечно привлекают к работе, что ли?

Я кивнул:

– Бывает. Тебе бургер или хот-дог?

– А что лучше?

– Бургер больше – если ты голодная.

– Хот-дог, пожалуйста. – Оливия подставила свою тарелку, и я положил на нее длинную булочку.

– Спасибо, – сказала она.

И тут же ее внимание снова переключилось на спасателей и подружек. Я все это рассказал полиции – женщине-детективу, про которую упоминал раньше, – но ей моя информация показалась «малозначимой». Я уже говорил. Детектив из нее так себе.

* * *

Немного погодя очередь за едой рассосалась, так что я тоже смог поесть. Взял себе два бургера с кетчупом, а потом хот-дог. Меня даже немного затошнило. К тому времени уже стемнело, и музыка играла ужасно громко. В зале люди начали танцевать, многие взрослые были пьяны. Эмили пыталась вытащить меня на танцпол, но я совсем не люблю танцевать, к тому же я постоянно зевал, так что решил поискать отца и сказать, что хочу домой.

Отец был снаружи – болтал со своими приятелями-серферами и никуда не собирался ехать, потому что отлично проводил время. Он согласился отвезти меня, но понял, что не может ехать, потому что отдал свою куртку какому-то человеку, который замерз, а теперь этот человек куда-то пропал и его нигде не было видно, а ключи от пикапа остались в куртке. Я сказал отцу, что могу поспать и в кабине, я не против. Я часто сплю там, когда отец хочет куда-нибудь выбраться вечером. Но отец ответил, что ночь слишком прохладная. И тут мимо прошли Джоди с ее мамой. Они собирались домой, и мама Джоди сказала отцу, что они могут

меня подвезти. Отец ответил, что это будет здорово – видимо, ему очень хотелось остаться и выпить еще пива. Но потом добавил, что вернется через полчаса-час.

Так что я поехал с Джоди и ее мамой. Помню, когда мы вышли за территорию клуба, вокруг было очень тихо. Я хочу сказать, шум вечеринки туда тоже долетал, но музыка казалась далекой и совсем не долбила в уши. Еще вокруг было пустынно. Казалось, будто все на вечеринке, буквально весь город. Но потом, когда я сел в машину мамы Джоди, то заметил огонек на берегу – один-единственный. И увидел, чей это огонек, – того парня, хромого. Кажется, он насаживал приманку на крючок, а как только закончил, огонек сразу погас, и он скрылся в темноте. Но это еще не странность. Странно вот что: мистер Фостер был чуть ли не единственным человеком в городе, который не пришел на вечеринку. Даже *я* пришел. А этот чудной парень со странной походкой, парень, который изнасиловал девочку, он *не пришел*. Но он все равно *был там*. Был сам по себе, рыбачил в темноте с пляжа, а может, *притворялся*, что рыбачит, а сам наблюдал, как люди входят и выходят. Выбирал, кого он заберет с собой. И только я знаю об этом.

Глава 10

Сейчас вечер вторника, и у меня немного болит голова. Это потому, что я много думал. Пытался вспомнить больше про ту ночь и гадал, что делать дальше. В конце концов я пришел к важному решению.

Хотя я знаю, что мистер Фостер был той ночью на пляже, и знаю о его насильническом прошлом, этого мало, чтобы обратиться в полицию. Пока еще рано. Мне нужно больше улик. И хотя я толком не разбираюсь, как полиция их добывает, кое-какие представления у меня есть благодаря кино. Судя по кино, этот процесс мало чем отличается от исследований, которые проводят ученые. А как я вам уже говорил, ученый я первоклассный. Так что мне предстоит собрать улики, доказывающие, что это сделал мистер Фостер.

Потом, мне пока не хочется рассказывать полиции. Потому что, если я им скажу, что мистер Фостер педофил и что он был на пляже, они продолжат расследование сами. Скажут, что мне участвовать нельзя, мне же всего одиннадцать. Тогда я все пропущу – а еще ничего даже не началось. Или – вспомните, что произошло с китом – они опять прозевают что-нибудь важное и Оливию никогда не найдут. В общем, у меня куча веских оснований для моего решения.

* * *

Домашняя работа так и лежит нетронутая в рюкзаке, пока я обдумываю, что делать дальше. Я даже не занес данные по крабам, собранные в выходные, в свой дневник, и доктор Рибальд будет мной недовольна – Эмили говорила, что характер у нее вспыльчивый. Тем не менее открываю мой секретный файл про морские блюдечки, а потом «Википедию» – страницу про дело Оливии Каррен. Читаю немного и добавляю в файл следующую информацию:

Версии того, что случилось с Оливией Каррен

1. Несчастный случай

Некоторые считают, что, скорее всего, Оливия в какой-то момент ушла с вечеринки и отправилась купаться. В конце августа вода самая теплая, и люди часто купаются по ночам, особенно если употребляли алкоголь. Многие видели, что Оливия пила алкоголь в тот вечер. В теории она могла заплывать слишком далеко, ее подхватило течением, а может, напала акула (это объясняет, почему тело так и не нашли). А может, она просто не очень хорошо плавала, но забыла об этом под действием спиртного.

Однако с этой версией есть проблемы. Во-первых, никто не пошел купаться с Оливией и никто не говорил, чтобы она собиралась поплавать (с другой стороны, они тоже могли это забыть под действием спиртного). Во-вторых, полиция не нашла одежду, а ведь люди обычно оставляют ее на пляже, когда идут в воду. Получается, она залезла в воду в одежде (снова алкоголь?). В-третьих, ее тело не нашли, а течения у нас такие, что все выносит на пляж в Силверли, а не оттаскивает от него. Вот как китовую тушу.

В целом я не думаю, что это наиболее вероятный сценарий, но и не сбрасываю его полностью со счетов, так что добавляю версию в свой файл. Потом пишу немного про второй вариант.

2. Самоубийство

В одной из газет писали, что Оливия на каникулах рассталась со своим парнем (дома, не в Силверли). Также там писали, что Оливия могла впасть в депрессию и задуматься о самоубийстве. Решив покончить с собой, она заплывла далеко в море. Это объясняло бы отсутствие одежды на пляже (когда идешь топиться, уже не беспокоишься о том, чтобы одежда осталась сухая, правда же?).

Однако родители Оливии опубликовали опровержение, где говорили, что очень сердиты на газету и что Оливия не расставалась с бойфрендом, а, наоборот, хотела скорей вернуться домой и снова встречаться с ним. И, как в первой версии, – что случилось с ее телом, если все было именно так?

Вторая версия меня тоже не особо впечатляет. Оливия вовсе не выглядела подавленной, когда мы виделись с ней, – ни в первый день, ни на дискотеке. Так что я продолжаю.

3. Убийство/похищение

Последняя версия – кто-то похитил ее.

Большинство данных подтверждают, что произошло именно это. Девочек-подростков часто похищают. Это объясняет, почему она так внезапно исчезла и ее тело до сих пор не нашли. Но проблема – по крайней мере, так сказано в «Википедии» – в отсутствии очевидных подозреваемых. С учетом того, сколько народу было на вечеринке, а также плохого освещения на пляже и на парковке, потенциальных подозреваемых может быть сколько угодно.

Дальше в «Википедии» говорится, что это расследование – самое масштабное за всю историю острова, и тем не менее до сих пор нет ни тела Оливии Каррен, ни каких-либо значимых зацепок. Я перестаю читать и возвращаюсь мыслями к той ночи. Пытаюсь припомнить, как выглядел мистер Фостер, какое выражение было у него на лице, когда я увидел его в свете рыбацкой лампы. Не так уж далеко на пляже он стоял, думаю я. Соберись он рыбачить по-настоящему, ушел бы дальше. И теперь я припоминаю, что когда мистер Фостер закончил насаживать наживку, или что он там делал, – *а может, когда заметил, что я смотрю*, – он сразу погасил фонарь, и его вообще не стало видно. Получается, он прятался в темноте. Зато меня он мог видеть. И не только меня – кого угодно. Если Оливия выскользнула из клуба, он увидел бы ее в свете наружных ламп. И вполне мог подкрасться к ней. Схватить ее, пригрозить рыбацким ножом и... Нет, лучше и не представлять. Мне не по себе от этих мыслей.

Без особой надежды вбиваю в «Гугл» «мистер Фостер». На успех рассчитывать не приходится, фамилия самая обычная. Поиск выдает: «Около 3 240 000 результатов (0,67 секунды)».

Снова пытаюсь, добавляя еще «Силверли», но это мало помогает. Пробую «остров Лорни», и мое сердце начинает стучать быстрее, потому что находится некий *Джеймс* Фостер, управляющий домом престарелых в Ньюли, но тут я, перейдя по ссылке, открываю его фотографию. Это не тот мистер Фостер.

Копаясь в интернете около часа – безрезультатно. Если мистер Фостер похитил Оливию Каррен, то сейчас она или у него в подвале, под замком, либо разрезанная на части в морозильнике. А не в интернете, где ее удобно найти.

Нет. Если мне нужны доказательства, чтобы пойти в полицию, то придется проявить изобретательность и побольше разузнать про мистера Фостера.

Глава 11

Силверли – небольшой городок, и даже с обилием полиции в это время года тут немногочисленно. Тем не менее я не знаю, где живет мистер Фостер, и не могу обходить все улицы в надежде отыскать его минивэн. Я мог бы спросить отца Джоди, поскольку он знаком с мистером Фостером, но это проблематично, потому что я раньше никогда с ним не заговаривал, и он обязательно спросит, зачем мне это знать. Если отвечу, что подозреваю мистера Фостера в похищении, а возможно, и в убийстве Оливии Каррен, он захочет пойти в полицию, и передо мной встанет та же проблема, что и раньше. Надо собрать больше доказательств, прежде чем кому-то говорить.

Но у меня есть план. Я знаю, что мистер Фостер любит рыбачить по ночам. И не только потому, что он рыбачил в ночь пропажи Оливии. Знаю, потому что часто видел его. По выходным, когда отец занимается серфингом, мистер Фостер тоже бывает на пляже – хромает вокруг своего минивэна, собираясь домой. Он возвращается с рыбалки, когда мы приезжаем на пляж.

Поэтому, если я его там увижу, то последую за ним. На велосипеде. У меня горный велосипед; отец купил такие мне и себе, но у него двадцать одна передача, а у меня всего пятнадцать. Когда он их покупал, то предполагалось, что мы будем кататься вместе, однако после первой же поездки отец решил, что ему не нравится, потому что люди слишком быстро проносятся мимо на машинах, а дороги у нас узкие. С тех пор мы почти не катались. У нас есть маленький сарайчик, и велосипеды хранятся там. Надо только смазать цепь, и мой будет готов.

План простой, знаю, но это означает, что меньше разных вещей может пойти не так. Я уже проверил свой велосипед и погрузил его в кузов пикапа, чтобы утром на это не отвлекаться. Когда завтра отец будет серфить, прослежу за мистером Фостером и узнаю, где он живет.

Глава 12

В субботу план не сработал. Отец не захотел ехать на пляж, потому что дул сильный ветер и волны были плохие, а еще потому, что прошлым вечером он поздно вернулся домой. Однако я его уговорил, и мы поехали в Литтли, где бухта не такая открытая.

Дальше выяснилось, что минивэна мистера Фостера на парковке нет. Отец решил все равно встать на серф, раз уж мы приехали, поэтому, пока он переодевался, я на велосипеде проехал по пляжу до самого Силверли. Мне пришлось нелегко, и я сильно волновался, что, даже если мистер Фостер рыбачил ночью в Силверли, он мог уже уехать домой к тому времени, как я туда добрался. А когда я туда добрался, я был весь потный, а парковка в Силверли оказалась пустая. Я проехался по городку – на всякий случай, – но не нашел его. Потом мне пришлось снова ехать на велосипеде через весь пляж, чтобы вернуться к отцу. Тот рассердился, потому что ему пришлось дожидаться меня, а я ужасно вымотался от этих приключений.

Но это было в субботу. А сегодня воскресенье, и день великолепный. Ветер успокоился, и отец с радостью начал собираться на серфинг. Мы приехали напрямик в Силверли, так что мне не пришлось никуда мчаться по песку, и угадайте, чей минивэн я увидел, стоило нам зарулить на парковку?

Совершенно верно. Мистера Фостера.

Но теперь мне надо пошевеливаться. Мистер Фостер тоже здесь. Хромает с пляжа, волоча в одной руке удочки, а в другой – ящик со снастями.

Отец паркует пикап в первом ряду, возле минивэна мистера Фостера. Он решил, что серфинг сегодня будет «высший класс», поэтому мысленно уже там, представляет, как носится по волнам. Он даже не замечает, что я слежу за мистером Фостером. Наблюдаю, как тот откладывает удочки на землю и достает ключи. Как открывает багажник минивэна.

– Только погляди, Билли! – восклицает отец. Он стоит, любуясь океаном. Я бросаю взгляд в ту сторону; волны бегут вперед, ветра почти нет, так что вода кажется стеклянной и серебристой.

– Пару часов точно пробуду, – сообщает мне отец, но я почти его не слышу. – Океан идеальный. – Он смеется, и волны начинают разбиваться о берег, мягко шелестя по песку. – Знаешь, сегодня тебе стоило бы остаться и посмотреть. А не носиться сломя голову по округе, как обычно.

– О'кей, – отвечаю я. Сами понимаете, у меня сейчас нет времени на отца. Надо скорее избавиться от него, чтобы последовать за мистером Фостером, когда тот уедет. Я держу наготове свой велосипед, делаю глубокие вдохи, чтобы насытить легкие кислородом. Мне уже приходило в голову, что мистер Фостер может жить и не в самом Силверли. В таком случае придется изо всех сил давить на педали, чтобы не отстать от него.

– Зрелище будет потрясающее. Можешь посидеть в кафе. Посмотреть оттуда. Возьми себе что-нибудь попить. Скажешь Эмили, я потом зайду расплатиться, хорошо?

Конечно, я мог бы воспользоваться отцовским пикапом. Знаю укромное место на приборной панели, куда он прячет ключи. Только прав у меня нет. Тем не менее без них можно сесть за руль *в чрезвычайной ситуации*. Интересно, нынешняя ситуация – чрезвычайная? Поразмыслив, прихожу к выводу, что на велосипеде будет быстрее.

– Билли? – Отец прерывает мои раздумья и качает головой: – Ты меня слушаешь? Я сказал идти в кафе, если заскучаешь... – На его лице мелькает тревога. – Боже, парень, что с тобой в последнее время? С головой ушел в свои безумные проекты... Сейчас у тебя какой?

Отец так редко спрашивает меня об этом, что я теряюсь и не знаю, что отвечать. Сейчас точно не время погружаться в разъяснения относительно проекта с крабами. Мистер Фостер

уже загрузил удочки и снасти, он идет к водительской двери. Садится за руль и захлопывает ее за собой.

– Да так, никакой.

Сначала отец молчит, но я чувствую, что он на меня смотрит.

– Знаешь, пора бы тебе начать заходить в воду, Билли. Мы могли бы серфить вместе. Здорово было бы, а? – спрашивает отец.

«Только не сейчас, пап!» – думаю я. Поверить не могу, что он снова заговорил об этом. Только чтобы отвязаться, я отвечаю:

– О'кей. Да ты беги. Волны классные, сам видишь. Нельзя такие пропустить.

Ни в коем случае не имею в виду, что согласен сам зайти в воду. Но мистер Фостер вот-вот уедет. Я сказал бы что угодно, лишь бы заставить отца замолчать.

Но отец по-прежнему не двигается с места и смотрит на меня.

– Ладно, – медленно повторяет он. – Так может, я дам тебе урок? Как ты на это смотришь?

Выхлопная труба минивэна мистера Фостера вздрагивает, он заводит мотор. Шины хрустят по гравию.

– Хорошо. Пап, увидимся позже.

К моему облегчению, отец пока что удовлетворяется этим. Он наклоняется и подбирает доску.

– Смотри, если замерзнешь, иди в кафе.

Переводит взгляд на пляж. Еще одна волна вздымается, закручиваясь гребнем, над поверхностью океана, похожая на гладкую стеклянную гору, готовая обрушиться вниз. Отец присвистывает:

– Ты только глянь! Не успеешь глазом моргнуть, сам такую оседлаешь!

Вижу, что он уже там – в его воображении, я имею в виду. Отец не может удержаться: он обожает, когда волны такие, так что мне даже не приходится ему отвечать. Отец разворачивается и бежит босиком по песку к океану. И очень вовремя, потому что минивэн мистера Фостера начинает сдавать назад, а потом трещит коробка передач, и он переключается на первую.

Вскакиваю на велосипед, и на выезде с парковки минивэн обгоняет меня. Пригибаю голову и изо всех сил давлю на педали.

Глава 13

С парковки минивэн поворачивает на север – на дорогу, идущую вдоль моря. Почти сразу я начинаю отставать. Потом он снова сворачивает в глубь острова, на Клеймор-стрит, где находится большинство магазинов Силверли. Он поворачивает еще до того, как я выруливаю на дорогу вдоль моря. Минивэн гораздо быстрее меня. Этого я не учел.

Что еще хуже, Клеймор-стрит все время забирает вверх. Не проходит и минуты, как минивэн практически скрывается из вида. Давлю и давлю на педали, приподнявшись над седлом и едва дыша; мне не хватает кислорода, и ясно, что долго не продержаться. Начинаю паниковать, что вот-вот его упущу.

Тут мне везет. На пересечении Клеймор-стрит и Альбертон-авеню стоит светофор, и мистер Фостер притормаживает на нем. Он задерживается примерно на минуту, и я нагоняю его, стоя на педалях и раскачивая велосипед из стороны в сторону. Уголком глаза вижу, как переключается сигнал. Теперь он красный, и я подъезжаю ближе. Но ненадолго; светофор загорается желтым, потом зеленым, и минивэн снова стартует вперед, дальше по Клеймор-стрит. Облако дыма выстреливает мне в лицо.

Но мне везет опять. Пока минивэн стоял на светофоре, перед ним оказалась другая машина, и за рулем, похоже, кто-то очень старый, потому что едет она совсем медленно. Спустя мгновение мистер Фостер их догоняет, однако на обгон не идет, наверное, чтобы не привлекать к себе внимания. Он едет по-прежнему слишком быстро для меня, но хотя бы не скрывается вдаль. Так продолжается около трех минут: я давлю на педали, насколько хватает сил. Мне ясно, что скоро выдохнусь. Если тот старый человек свернет. Или если мистер Фостер выедет за пределы города, где дорога длинная и прямая и где разрешен обгон. Тогда я точно его потеряю.

Пригибаю голову и мчусь вперед. Ноги уже слабеют, у меня почти не осталось сил. Впереди изгиб дороги, а за ним – выезд из города. Я отстаю. Пусть даже умру от перенапряжения, мне его не догнать. И вдруг на минивэне зажигается поворотник. Мистер Фостер сворачивает с главной дороги.

Названия улицы, на которую он свернул, я не знаю, и попадаю я на нее спустя добрую минуту после него. В этот момент мне приходится остановиться. Бросаю велосипед и обеими руками цепляюсь за фонарный столб. Непроизвольно падаю на колени. Такое чувство, что меня сейчас вырвет. Похоже на забеги на время в школе – на четыреста метров самый худший. Иногда детей после него правда рвет.

Наконец набираюсь сил, чтобы оглядеться. Я на маленькой улочке, совсем незнакомой. Тут нет магазинов, только дома, и минивэна нигде не видно. Похоже, я все-таки его потерял.

Придя в себя как следует, опять забираюсь на велосипед и еду дальше. Не знаю куда, просто решаю оглядеться. Силверли не такой большой, и за домами сразу начинается поле. У меня еще есть шанс его найти. Дома тут крохотные, не из тех, которые сдают туристам, и мне кажется, что часть из них вообще необитаемая. По крайней мере, так они выглядят.

Дорога, на которую свернул мистер Фостер, распадается на несколько улочек поменьше. Сворачиваю на первую попавшуюся и проезжаю до самого конца, рассчитывая где-нибудь заметить минивэн, но его нет, так что возвращаюсь на главную дорогу. Сворачиваю на следующую – с тем же результатом. Кажется, это безнадежно, придется мне ехать назад. Посидеть в кафе, выпить горячего шоколада. Рассказать Эмили, как продвигается мой проект. Но осталась всего одна улица, так что надо все-таки и ее посмотреть. Я медленно качу вперед, заглядывая во дворы. Большинство из них пусты, а если где и есть машина, то старая-престарая. Вижу последний поворот и уже думаю развернуться перед ним, но все-таки сворачиваю проверить. И вот он передо мной: минивэн мистера Фостера.

Я не верю своим глазам. Сердце стучит от перегрузки – и, пожалуй, от чего-то еще; думаю, от нервов. Я останавливаюсь под деревом, жду и наблюдаю. Минивэн припаркован перед одноэтажным домиком, в самом конце улицы. Тот выглядит обшарпанным и располагается на отшибе. За ним начинаются заросли, можно даже сказать, небольшой лес.

На прицепе во дворе стоит рыбацкая лодка. Свет в доме погашен. В целом картина подозрительная. Это именно такое место, где должен жить убийца-педофил.

У меня возникает странное ощущение – будто пауки карабкаются по спине. Оно усиливается еще и от мысли, что мистер Фостер сейчас внутри. Он может наблюдать за мной, как наблюдал за Оливией в ту ночь на пляже. Может стоять у задней двери, держа наготове рыбацкий нож. Я хочу сказать, если он *правда* похитил ее, то он же теперь должен быть настороже, да? Должен смотреть, не происходит ли чего странного. Опасаться преследования. Мне приходит в голову, что улица *по-настоящему* безлюдная. Я не видел ни одного человека, после того как свернул с Клеймор-стрит. Нет соседей во дворах, нет машин на подъездных дорожках. Он может сейчас подкрадываться ко мне со спины, под прикрытием деревьев. Мне становится страшно. Хочется прыгнуть на велосипед и убраться отсюда. Я почти что так и делаю, но потом останавливаю себя. Надо найти доказательства для полиции. А страх – это ничего. Просто буду поосторожней.

Делаю глубокий вдох. Кладу велосипед на траву и подхожу ближе, стараясь держаться за ствол дерева на краю участка. Между деревьев мне виден двор, но я не уверен, что мистер Фостер там. Я стою рядом с минивэном – мне даже слышно, как пощелкивает, охлаждаясь, мотор.

Бросаю еще один осторожный взгляд на дом в поисках признаков жизни. С такого близкого расстояния дом виден мне лучше. На фасаде у него два окна. Большое закрыто занавесками, и внутрь я заглянуть не могу. Окно поменьше – это, наверное, кухня, и занавесок там нет. Вижу часть столешницы, электрический чайник, несколько кружек. На одной из них нарисована рыба. Дальше становится темно, я ничего не могу разглядеть. Свет по-прежнему потушен.

Пытаюсь отыскать признаки наличия в доме подвала. У большинства убийц в домах есть подвалы, и, если Оливия еще жива, именно там она и находится. Но я не знаю, как определить, есть в доме подвал или нет. В смысле, в подвале же нет окон, потому что он под землей. Я решаю, что подвал должен быть – просто я его не вижу.

Снова прячусь за деревом и ненадолго задумываюсь. Я уже добился неплохих результатов: выяснил, где мистер Фостер живет и, возможно, где находится Оливия, живая или мертвая. Это очень хорошо. Но мне надо узнать больше. Если пойду в полицию сейчас, мне все равно не поверят. Для них я просто ребенок – они же не в курсе, что я ученый. Даже если заставлю их прислушаться ко мне, они могут просто отправить какого-нибудь детектива задать мистеру Фостеру пару вопросов, а тогда *и детектива* похитят и будут держать в подвале, а то и убьют. Так что для полиции определенно слишком рано. Надо сделать то, ради чего я сюда приехал. Установить слежку за домом.

В фильмах часто показывают слежку. Люди, которые ею занимаются, жуют пончики или другую еду. Обычно они немного спорят между собой или ведут душевные разговоры, так что мы узнаем их историю. Но слежка всегда срывается. Они всегда обнаруживают что-нибудь важное. Поэтому я считаю, что слежка – верное решение. Очевидно, правда, что я не смогу просто сидеть на улице, поедая пончики, и смотреть за домом мистера Фостера. Но не беспокойтесь, я уже все придумал. Я вообще много думал в прошлую ночь. Бросаю еще один взгляд на двор. Лодку я уже видел. Она открытая, небольшая, вроде тех, с которых рыбачат на реке, а не в открытом море. Корма глядит на дом, а поскольку двор не такой большой, нос практически упирается в живую изгородь. Лодка накрыта выгоревшим голубым тентом, и кое-где завязки ослабли, потому что их трепал ветер. Судя по тому, насколько проржавел прицеп и насколько его колеса вросли в землю, лодкой не пользовались давным-давно. К тому же при-

ближается зима, а на таких лодках выходят только летом. Поэтому вряд ли мистер Фостер станет пользоваться ею в ближайшее время. Лодка идеальна для моих целей. Я оставляю велосипед у столба, накидываю замок, чтобы не волноваться, и крадусь к дому мистера Фостера. Лодка закрывает меня от посторонних глаз, я подбегаю к ней и приподнимаю тент.

Сердце у меня отчаянно колотится. Приходится залезть на прицеп, потому что он выше, чем мне казалось. И тент не настолько ослаблен, как я надеялся. На секунду решаю, что не смогу забраться внутрь, но я уже настроился. Просовываю голову и плечи в лодку, ноги мои касаются живой изгороди. В ноздри ударяет отвратительный запах плесени и гнили. Я немедленно впадаю в панику. Мне кажется, что сейчас я приземлюсь прямо на разлагающийся труп Оливии. Судорожно извиваюсь, пытаюсь выбраться наружу, и валюсь обратно на траву, тяжело дыша, прямо под окнами мистера Фостера. Лодка закрывает меня наполовину; я стараюсь восстановить дыхание. Приказываю себе успокоиться.

Это просто вонь лодки – рыбы кишки и гнилая морская вода. Все лодки пахнут так, если они старые и за ними плохо смотрят. Я гляжу на окна мистера Фостера и соседних домов. Мне повезло. Никто вроде бы ничего не заметил, но я по-прежнему на виду, сижу под лодкой мистера Фостера. Если я не спрячусь, кто-нибудь обязательно увидит меня. Так что я делаю глубокий вдох и совершаю вторую попытку. Вскрабкиваюсь на прицеп и во второй раз проскальзываю под тент. Теперь я уже спокойней; пробираюсь внутрь, подтягиваясь за сиденье лодки. И вот я внутри; на секунду мой рюкзак застревает, но мне удается его освободить, и я с шумом падаю на дно лодки.

Сначала она раскачивается, потом замирает. Да, тут и правда воняет. Настолько, что мне тяжело дышать. Глазам нужно несколько минут, чтобы привыкнуть к темноте; когда же это наконец происходит, я с радостью убеждаюсь, что трупа в лодке нет, только скользкие деревянные доски, и я лежу на них прямо в грязной воде. Приподнимаюсь, но все равно чувствую, как вода промачивает колени. Не обращая на нее внимания, тянусь к рюкзаку и достаю камеру. Потом пробираюсь к корме лодки, откуда могу наблюдать за домом. В корме есть такой вырез, куда навешивают мотор, и через него в лодку пробивается свет. Через отверстие я прекрасно вижу дом. С колотящимся сердцем устраиваюсь поудобнее и жду, что будет дальше. И очень скоро замечаю кое-что интересное.

Глава 14

Дом действительно выглядит подозрительным. Со стен отвалились куски обшивки, с оконных рам осыпается краска. Приглядевшись, замечаю, что одно стекло треснуло. И все окна грязные. Занавески на них тоже грязные, выцветшие, и на одной – она закрывает большое окно – желтое пятно. Если подумать, с какой стати человеку занавешивать окна среди бела дня? Очевидно, мистеру Фостеру есть что скрывать. Решаю, что после короткого наблюдения убегу отсюда. Я и правда не знаю, насколько это опасно. И в лодке мне ужасно неудобно.

Но тут на кухне загорается свет. Я замираю. Теперь я могу видеть дальше, и вот он, человек, который входит в двери. Это мистер Фостер. Узнаю его по хромоте.

Пригибаюсь еще ниже, чтобы он точно меня не заметил. Но от этого лодка начинает раскачиваться и раскачивать прицеп. Если он выглянет в окно, то наверняка обратит на это внимание. Однако мне везет – когда я осмеливаюсь выглянуть снова, мистер Фостер по-прежнему на кухне. Кажется, он ничего не увидел. Потом он выходит из кухни. А я еще не успел сделать фотографию. Я сержусь на себя. Что, если он больше не покажется?

Однако мгновение спустя полоска света появляется между занавесками на другом окне, и они начинают раздвигаться. Теперь я могу заглянуть в гостиную. Она просторная, но на удивление пустая – там стоит только кресло, придвинутое к газовому камину, и большой телевизор. А еще она грязная. По полу разбросаны коробки из-под пиццы и пивные банки; пепельница переполнена окурками. Хромая, мистер Фостер идет по комнате с большим мешком для мусора. Сначала я не понимаю, что он делает, но потом до меня доходит. Он прибирается. Поднимает с пола пустые банки, расплющивает их в руке и кидает в мешок. Меня охватывает возбуждение. Я был прав, целиком и полностью. *Именно так* и должен жить убийца. Один, в грязном страшном доме. А что он делает сейчас?

Конечно, избавляется от улик.

Дважды проверяю, что вспышка на камере выключена, а потом, очень осторожно, делаю несколько снимков, пытаюсь поймать лицо мистера Фостера. Кое-что у меня получается. Когда он выходит из гостиной, я пересматриваю снимки на камере в ожидании, пока он появится снова.

И тут происходит катастрофа. Внезапно распахивается входная дверь, и прежде чем я успеваю пригнуться, мистер Фостер оказывается прямо передо мной – в какой-то паре футов. Я едва не вскрикиваю в панике, потому что он идет напрямик ко мне. Единственное, что я могу, это плюхнуться на живот на дне лодки, чувствуя, как штанины пропитываются водой. Наверняка он увидел меня через окно или заметил, что лодка покачнулась. Прикидываю, не позвать ли на помощь, но не уверен, что его соседи услышат. К тому же не тот это район, где можно полагаться на соседей. Я держу камеру в руке, как камень; она – моя единственная надежда. Когда он поднимет тент, я ударю его камерой, выскочу и помчусь со всех ног. На мгновение мне представляется, каково это – сидеть в его подвале, прикованным к стене рядом с Оливией. Времени на страх нет, но мне все равно страшно.

Дальше я слышу его – *прямо рядом с лодкой*. Раздается шум; сначала не могу разобрать, что это такое, но потом понимаю, что мистер Фостер свистит. Насвистывает песенку, подбираясь ко мне. Стараюсь дышать как можно тише и крепко сжимаю камеру, готовясь нанести удар. Жду. Секунды тянутся вечно. Сейчас тент отдернется в сторону, и появится волосатая рука, пытающаяся меня схватить. Но вдруг свист прекращается и раздается какой-то металлический лязг и грохот. Дальше наступает тишина. Несколько мгновений слышу только свое дыхание – короткое и быстрое, – которое кажется мне ужасно громким. Он все еще тут? Я не знаю. Потом слышу, как снова хлопает входная дверь.

Скорее всего, это ловушка. Я не двигаюсь с места. Лежу, выжидая, на дне лодки, но проходят секунды, потом минуты, и я начинаю гадать, почему мистер Фостер ничего не предпринимает, чтобы поймать меня. Вместо этого происходит нечто другое. Слышу, как в минивэне заводится мотор. Снова выглядываю наружу и вижу мистера Фостера за рулем – он сдает задом по подъездной дорожке. Он не знает, что я тут. Смотрю, как он выруливает на улицу и скрывается из виду.

Какого черта вообще происходит? Высовываю голову из-под тента и с огромным наслаждением вдыхаю свежий воздух, не провонявший тухлой рыбой. Оглядываю двор, чтобы понять, откуда шли звуки, – и наконец-то нахожу ответ. Когда я забирался в лодку, то не обратил внимания на металлический контейнер в углу двора. Я складываю два и два: черный мусорный мешок в руках у мистера Фостера и мусорный ящик. Он выбрасывал мусор.

Выбрасывал улики в контейнер.

Выбираюсь из лодки и иду посмотреть. Осторожно приподнимаю крышку. Черный мешок там – он пахнет окурками. Тихонько открываю мешок. Все, что я вижу, это банки из-под пива и коробки от пиццы. Не знаю, что это означает, но все равно хватаю камеру и делаю несколько снимков.

* * *

Мне сильно не по себе. Я знаю, что мне представилась возможность прямо сейчас спасти Оливию. Мистер Фостер уехал, но я не знаю, надолго ли, потому что он оставил в доме свет. Тем не менее сейчас его нет. Значит, если я проникну в дом, то смогу отыскать ее и помочь ей сбежать. Однако одна мысль об этом приводит меня в ужас. Что, если он вернется, когда я буду внутри? Вдруг он все-таки *видел* меня, и это тоже часть ловушки? На мгновение мной овладевает нерешительность. Но я снова заставляю себя собраться. Я услышу, когда минивэн будет подъезжать по улице. Я *должен* попытаться спасти Оливию. Должен быть храбрым.

Приближаюсь к входной двери. Стоя перед ней, чувствую на спине чей-то взгляд. Практически уверен, что кто-то стоит у меня за спиной. Это вроде того, когда ты маленький и точно знаешь, что под кроватью притаилось чудовище, но ты в комнате один и боишься посмотреть. Разворачиваюсь, готовый встретиться с этим кем-то лицом к лицу. Никого нет. Я один на всей улице. Окна соседей мистера Фостера пустые и темные. Долго вглядываюсь в пустоту, но вокруг ни движения, только ветер чуть колышет ветви деревьев.

Снова поворачиваюсь к двери и легонько толкаю ее. Дверь не поддается. Я нажимаю на ручку и налегаю сильнее, но дверь по-прежнему сопротивляется. Жму и жму, хотя мне уже ясно, что дверь заперта. Ощущаю одновременно облегчение и сомнения – достаточно ли я пытался? Подбираюсь к кухонному окну и пальцами ощупываю раму, проверяя, не открыта ли она. В это время года уже довольно прохладно и люди не оставляют окна открытыми, но, может, он не запер ее? Нет, похоже, запер. Или, скорее, никогда не открывал. По-быстрому прикидываю, не разбить ли мне стекло, но решаю этого не делать. Пускай он педофил и, возможно, убийца, но все равно разбивать чужие окна нельзя.

Вместо этого я решаю попытать удачи с окном в гостиной. Но тут тоже ничего не выходит – рама закрыта. Я ощупываю треснутое стекло. Похоже, трещина появилась, когда кто-то пытался закрыть створку; рама до сих пор немного торчит. Можно попробовать вскрыть ее моим перочинным ножом. Так я смогу пробраться внутрь. Но что, если он припарковался за углом и теперь потихоньку крадется назад, чтобы схватить меня? При этой мысли у меня по спине бегут мурашки.

И тут я замечаю кое-что в самом углу.

Глава 15

На полу, рядом с дверью. Может, конечно, эту вещь вяло попытались спрятать, но она явно не на своем месте в жутком запущенном доме мистера Фостера. Розовый рюкзачок. Я узнаю марку – у некоторых девочек в моей школе есть такие, с большим логотипом в виде красного сердечка спереди. Откуда, скажите на милость, у мистера Фостера девичий розовый рюкзак?

На секунду замираю на месте, уставившись на него. Я не знаю, что это означает – наличие в доме рюкзака, – но у меня плохое предчувствие, очень плохое. Словно я заглянул в пропасть и теперь пытаюсь понять, что там увидел. Мысли разбегаются в голове. Ясно одно – это плохо. Очень плохо.

И есть кое-что еще. До сих пор я воспринимал происходящее как своего рода игру. Или один из своих научных экспериментов. Важный, конечно, но не совсем реальный. Теперь все изменилось. И я понимаю, что мистер Фостер правда может вернуться в любой момент. Правда может подкрасться сзади и схватить меня. Взрослый мужчина, вдвое крупнее одиннадцатилетки. Соседей рядом нет, и никто не увидит, как он затаскивает меня внутрь. Надо убираться отсюда. Прямо сейчас. Как можно быстрее.

Поэтому я больше не пытаюсь проникнуть в дом. Вместо этого делаю то, ради чего и приехал. Видите ли, я же не планировал торчать тут бесконечно, ведя слежку. Я понимал, что у меня будет в лучшем случае пара часов, и шансы, что за это время произойдет нечто важное, крайне малы. Следить нужно долго. Но это не проблема. Для того и существуют технологии.

Я рассчитывал, что возле дома будут деревья или кусты, но лодка гораздо лучше. Она не бросается в глаза и стоит рядом с домом, так что в объектив попадет все, что будет там происходить. Она даже укрыта от дождя, что очень хорошо. Я имею в виду, моя камера, конечно, водонепроницаемая, но иногда дождь попадает на объектив, и потом ничего не видно.

С помощью зажимов я фиксирую камеру на корме лодки, объективом к дому. Камера у меня очень хорошая, новейшей модели. «Денвер WCT-3004 Уайлдлайф». Она реагирует на движение, и когда я ее покупал, в интернете на эту модель было уже 258 четырех- и пятизвездочных отзывов. Были, конечно, и отзывы с одной звездой – в основном от людей, которые не разобрались, как правильно ее устанавливать. Но меня они не смутили, потому что я прекрасно умею устанавливать камеры. У меня большой опыт. Камера дорогая, и я потратил на нее большую часть денег, заработанных на настройке вай-фая. Но оно того стоило. У «Денвер WCT-3004» есть возможность *инфракрасной ночной съемки*. Это означает, что даже если мистер Фостер прокрадется домой под покровом ночи, я все равно увижу его.

Убедившись, что камера надежно установлена и включена, я медленно отступаю, следя за тем, чтобы ничего не выдавало моего недавнего присутствия. Иду туда, где оставил свой велосипед. Оглядываюсь по сторонам на случай, если мистер Фостер где-нибудь спрятался, но его нет. Как только я отъезжаю, мне становится значительно легче. На самом деле, я чувствую себя просто отлично. Теперь хоть кто-то делает что-то конструктивное, чтобы отыскать бедняжку Оливию Каррен. И у меня возникает то знакомое чувство, которое всегда появляется, когда я устанавливаю камеру. Мне хочется скорей посмотреть, что она запишет.

Глава 16

Приятное чувство продолжается недолго.

– Билли, где, *черт возьми*, тебя носило?

Отец в гневе. Я еще только заезжаю на парковку, а он уже кричит на меня.

– Я тебя полчаса прождал! Искал и в кафе, и повсюду!

Жму на тормоз – и тут понимаю, что произошло. Дело в ветре: он изменил направление. Утром он дул от берега – это хорошо для волн, – но теперь переменился. Он дует на берег, и серферам это не нравится, потому что ветер рушит волны. За спиной у отца, стоящего, уперев руки в бока, мне видны пенистые рваные гребни, несколько не похожие на те гладкие и аккуратные, что шли утром.

– Я говорил тебе не уходить далеко. *Я тебе говорил*. Быстро кидай свой треклятый велик в кузов, и поехали.

Уже открываю рот, чтобы рассказать ему про мистера Фостера и его жуткий дом, про то, как я собираюсь уличить его в том, что он похитил ее, или убил ее, или что-то там еще с ней сделал. Но слова не идут. Вместо этого я позволяю отцу схватить мой велосипед и молча смотрю, как он швыряет его в кузов, так что царапается краска. Сделай так я, он был бы вне себя. Отец запрыгивает в кабину и давит на газ, заставляя мотор взреветь. Я сажусь рядом с ним. Лезть в кузов я даже не пытаюсь. Когда отец в плохом настроении, мне там ездить нельзя.

– Господи, парень! – продолжает он, когда я захлопываю дверцу. – Да что с тобой такое? – Качая головой, спрашивает: – Знаешь сына Крейга, Джеймса? – Но ответить времени не дает. – Он каждые выходные серфит вместе с Крейгом. Даже когда волны громадные, пробует все равно. *Пытается*. А ты? Я тебя и близко подтащить к воде не могу... – Снова качает головой. – Вот скажи, что я делаю не так?

На самом деле, сравнение нечестное. Джеймс *на два года* старше меня, и он очень спортивный. Играет в школьной футбольной команде. И вообще, у отца куча приятелей-серферов! Почему для него так важно, чтобы я серфил вместе с ним? Я в молчании пристегиваю ремень и жду, пока минует буря.

– Куда ты ездил вообще? – говорит отец несколько минут спустя, когда мы едем по городу. – Мы каждые выходные бываем на пляже, и ты всегда занят... Где ты бродишь? Чем занимаешься?

Мы останавливаемся на светофоре – том же самом, где до того застрял мистер Фостер.

– Ну же, Билли, расскажи мне!

На этот раз он, похоже, действительно ждет ответа. Я усиленно соображаю. Он все еще в слишком плохом настроении, чтобы рискнуть сказать ему правду.

– Я уже рассказывал раньше, – отвечаю я. – Изучаю территориальные привычки крабов-отшельников...

Отец тут же меня перебивает:

– Господи боже! Ты все еще этим занимаешься? Иисусе! Ты ведь уже не ребенок, Билли! Ты не можешь просто...

Он отрывает обе руки от руля, но потом замирает. Надувает щеки и обхватывает лицо ладонями.

– Вот дерьмо! *Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.* – Он удивляет меня, резко ударяя ладонями по рулю.

Загорается зеленый свет, но мы не трогаемся с места. За нами кто-то гудит. Отец в ярости опускает стекло и высовывается наружу.

– Да пошел ты, придурок! – орет он на машину за нами. Но потом все-таки начинает ехать. Я слишком напуган, чтобы поглядеть назад – вдруг другой водитель полезет в драку, –

но потом все-таки смотрю, и та машина сворачивает в сторону. Некоторое время мы с отцом сидим молча; он медленно едет вперед, а я притворяюсь, что гляжу в окно.

Несколько минут спустя, уже выехав из Силверли, отец внезапно останавливается на обочине. Дорога пустынная, вокруг нас никого нет. Долго-долго отец ничего не говорит. Просто сидит и таращится в пространство.

– Билли, прости, – наконец произносит он. Тон у него совсем другой. Гораздо спокойнее. Он выглядит усталым. – Я не хотел так срываться на тебя. – Отец вздыхает и снова замолкает. Слышен только ровный гул мотора под капотом пикапа. – Просто иногда я беспокоюсь. Понимаешь, Билли? – заговаривает он опять. – Беспокоюсь, что нас с тобой только двое и все такое... Что я не особо хороший отец. Беспокоюсь, что ты где-то болтаешься сам по себе.

Он бросает на меня косой взгляд и ждет, пока я не посмотрю на него в ответ.

– Даже не знаю, безопасно ли это... С тех пор, как та девочка пропала.

Я молчу. Даже не шевелюсь. Я сильно удивлен, что он внезапно вспомнил об этом.

– Ты понимаешь, о чем я? Это тяжело, жить здесь только вдвоем, да, я в курсе. Но мы должны держаться друг друга. Как-то постараться.

Не отвечаю.

– Я постараюсь ради тебя. Ладно, Билли?

Он смотрит на меня, но я по-прежнему ничего не говорю. И не смотрю на него.

– *Билли!*

Поворачиваюсь лицом к отцу. Но все равно молчу.

Отец несколько раз открывает и закрывает рот, словно пытаюсь решить, что сказать дальше. Наконец у него вырываются торопливые слова:

– Слушай, дружище, я сегодня видел Пита на пляже. Знаешь Большого Пита? У него еще серф-магазин в Ньюли. Мы с ним поболтали немного, когда ветер переменился. Что, если нам с тобой прокатиться к нему после обеда? Выберем тебе доску. Твой собственный серф! Ну и все прочее, что положено. Здорово будет, правда?

Когда отец такой, единственный выход – соглашаться с ним. Вот только ничего подобного я не ожидал.

Глава 17

Думаю, пришло время рассказать вам про маму. Все-таки мы с вами уже неплохо друг друга знаем. То есть я расскажу то, *что знаю* про маму, а знаю я немного, потому что был еще совсем маленький, когда все произошло, а отец об этом говорить не любит. Вот прямо *совсем* не любит.

Я тоже не особо люблю об этом говорить, если уж честно, но вы, наверное, теряетесь в догадках насчет того, почему она не живет здесь, с отцом и со мной.

Мама работала в больнице медсестрой. Не здесь, на Лорни, – мы жили тогда на континенте, далеко отсюда, и я не знаю толком где, потому что отец становится очень странным, когда я его об этом спрашиваю. Он рассказал мне вот что: как-то вечером мама ехала домой с работы. Она была одна в своей машине, а на улице шел сильный дождь. Было уже поздно, и на шоссе почти никого. Наверное, она сильно устала, потому что долго работала, спасала людям жизни. Впереди на шоссе большой грузовик потерял управление, и его занесло. Он вез такой стальной контейнер, и каким-то образом прицеп с контейнером перегородил дорогу. Водитель просто не успел ничего сделать. Огни на грузовике погасли, а шоссе в том месте не освещалось. Грузовик просто встал. Стальной контейнер блокировал всю проезжую часть. Не повезло. Мамина машина врезалась в него первой. Отец говорил, что для мамы все случилось очень быстро. Но иногда я все-таки думаю о том происшествии. Бывает, когда мы с отцом едем в Ньюли, я замечаю дерево или здание на обочине дороги и считаю, сколько пройдет секунд, прежде чем мы минуем его. Я представляю себе, что чувствовала мама. Как она давила на тормоза, но ничего не происходило и машину тащило вперед по мокрой дороге. Тогда она уже догадалась? И каково ей было?

В общем, я толком не в курсе, что произошло. Иногда мне кажется, отец не рассказывает всей правды. Я действительно не знаю, пыталась ли она затормозить или вывернуть руль. Не знаю, что было в том контейнере, и умерла ли она сразу или ее отвезли в больницу и она умирала медленно.

Похорон я не помню. Может, и не был там? В основном помню нашу жизнь здесь, на острове Лорни. Вроде как мы переехали сюда вскоре после несчастного случая, но я не знаю, *почему* отец выбрал именно это место. Не думаю, что мы бывали здесь раньше. Родственников тут у нас нет. Насколько мне известно, их вообще нет. Наверное, отец решил начать жизнь с чистого листа. Может, он подумал, что нам лучше будет жить в таком месте, где нет скоростных трасс? Не знаю. Как я уже говорил, отец отказывается обсуждать это, и я давным-давно перестал его спрашивать.

Мы никогда не вернемся назад. В те места, где жили с мамой, я имею в виду. Отцу не нравится вспоминать о тех временах, да и ехать, кажется, очень далеко. Поэтому мы не ездим туда и ни о чем таком не говорим, а если я даже спрашиваю или по телевизору показывают что-то, что напоминает мне о прежней жизни, отец просто отвечает, что нам надо двигаться вперед.

Теперь вы знаете. И можете перестать гадать.

Глава 18

– Хей, *Сэммммм*, как дела, дружище?

– Привет... друг. Как сам? В порядке?

Мы только что вошли в серф-магазин «Зеленая комната»⁴, и отец с продавцом обмениваются шумными приветствиями и ударяют ладонью о ладонь, как положено у серферов. Я ничего не говорю, потому что немного расстроился, пока рассказывал вам про маму. Ничего, через пару минут я приду в норму.

У продавца светлые волосы до плеч, и он в шортах, несмотря на холод. Желтые волоски у него на ногах стоят дыбом. Он явно очень рад видеть отца. Так всегда бывает. Дело в том, что отец среди местных серферов вроде знаменитости. Иногда, когда проходят соревнования по серфингу и другие уговаривают отца поучаствовать, тот, как правило, побеждает, особенно если волны большие. Вот почему всем так нравится общаться с ним.

В магазине сильно пахнет резиной – от гидрокостюмов, – а на стене висит большой телевизор, где крутят ролики с серферами. Мне такие ролики не нравятся. Там показывают одно и то же – люди катаются и катаются на волнах. Наверное, поэтому продавец и приходит в такой восторг: ему надоело смотреть одинаковые видео.

– Словил волну сегодня? – спрашивает продавец. – *Потрясающая*, да?

– Поначалу была ничего. Потом, правда, ветер переменялся.

– Это точно. Но было круто, чувак... Ты как, покупать? Или просто присмотреться? – Оба варианта, кажется, его радуют.

– На самом деле... – Отец неловко замолкает и чешет за ухом. – Пит сказал, что даст мне скидку... Он тебя предупредил?

– Да-да, само собой. Сказал, ты можешь заглянуть.

– Круто. Так вот, мы с сыном ищем ему серф.

Продавец в первый раз обращает на меня внимание. Может, он и видел, как я захожу, но решил, что я оказался тут по ошибке. В обстановку магазина я точно не вписываюсь.

– Ага... Круто... – Я чувствую на себе его взгляд, и между нами мелькает искорка взаимного узнавания. – Привет, парень, – говорит мне продавец. *Впервые* он обращается напрямую ко мне. – Я и не знал, что ты – сын *Сэма Уитли*.

Он склоняет голову набок, как будто сам себе удивляясь. Я продолжаю молчать.

– Значит, собираешься стать местной легендой, как твой старик, да?

В его голосе сквозит напускной энтузиазм, и я предпочитаю не отвечать.

– Хочешь победить в чемпионате острова, когда станешь постарше? И даже поехать в тур, а?

Пару раз, после больших соревнований серферов, люди заговаривали с отцом о том, что он мог бы поехать в серф-тур. Конечно, если б не был вынужден присматривать за ребенком.

– Нет, – говорю я наконец, просто чтобы он заткнулся. Гляжу на отца. Это ведь он притащил меня сюда.

– Ну, пока мы ищем доску, правда, Билли? Поздоровайся с... хм...

Мне становится ясно, что отец не знает имени продавца. Тот немедленно приходит ему на помощь, смущенный еще сильнее, чем сам отец.

– Шейном! Помнишь? Я Шейн, – говорит продавец.

⁴ Зеленая комната (также труба, бочка) – на сленге серферов так называется пространство, образуемое по фронту разбивающейся волны падающей в загибе (трубящейся) частью гребня, которое из-за эффектов преломления света при взгляде изнутри кажется зеленым; скольжение внутри зеленой комнаты считается высшей точкой наслаждения серфингом.

– Ага, да, извини, приятель. – Отец хлопает себя ладонью по лбу, словно и правда вспомнил. – Да, поздоровайся с Шейном, Билли!

– Привет, Шейн, – говорю я, взмахивая рукой.

Тот тут же начинает расхваливать свои товары. Хотя смотрит он на меня, я понимаю, что ему хочется произвести впечатление на отца.

– Значит, тебе нужна новая доска? О да, вы пришли в правильное место! Для подростков у нас есть клевые доски «Майкро Мэшин». Сколько будет плавников? Три или четыре?

К счастью, отец перебивает его.

– Билли пока не... не на том уровне, – говорит он. – Мы ищем что-нибудь для начинающих. Но качественное. Достойное. – Глядит на меня и улыбается.

И тут появляется сам Большой Пит. Видит отца и сразу заговаривает с ним о волнах сегодня утром, поэтому несколько минут мы с Шейном просто стоим посреди магазина, пока Пит не предлагает Шейну показать мне серфы.

– Ага, понял. Конечно, – тот оживленно кивает. – Билли, хочешь пойти со мной посмотреть, что у нас есть?

Выбора у меня не остается, так что я следую за ним в отдельный зал, где все стены заняты стеллажами, на которых подвешены доски. Шейн начинает снимать их одну за другой и показывать мне. Я не знаю, на что обращать внимание, – по-моему, все серфы одинаковые. Папа продолжает болтать с Большим Питом в соседнем зале.

– А что у тебя за история, Билли? Как вышло, что ты собираешься учиться только сейчас? – спрашивает меня Шейн. – В смысле, все круто, и ты молодец. Ничего особенного, я просто удивляюсь... Ведь твой старик... ну, сам понимаешь.

Я пожимаю плечами и ничего не говорю. Уж точно не стану посвящать человека вроде Шейна в подробности того, почему не захожу в воду. Я вовсе не стыжусь, ничего подобного. Просто Шейн – идиот. Но *вам* я скажу, если хотите.

Дело в том, что я слегка побаиваюсь моря – только и всего. Я знаю, что это немного странно для человека, который поселился на острове. Особенно если он живет в доме с видом на пляж и собирается стать морским биологом, когда вырастет. Но такие вещи случаются сплошь и рядом. Вот вы, например, знали, что Нил Армстронг⁵ боялся высоты? И многие авиационные пилоты ее боятся!

На самом деле воды я не боюсь, не думайте. Мне просто не нравится заходить на глубину. Скажем, выше пояса. В остальном все в порядке. Вода в пещерах меня не пугает. И я хорошо плаваю, если что. Отец об этом позаботился. Годами таскал меня на тренировки. Я отлично плаваю в бассейне – где есть спасатели и глубина небольшая. Мне не нравится только открытое море. Есть что-то пугающее в том, какое оно огромное и глубокое, и в течениях, которые могут утянуть тебя за собой. У меня от него мурашки. В общем, я его не люблю.

Вот даже сейчас – стоило только подумать, и сердце забилося чаще. И стало как-то жарко. Зал, заставленный серфами, качается перед глазами. Вижу лицо Шейна – кажется, он чем-то обеспокоен. Не то чтобы он кружился передо мной, пока нет, – но сейчас, похоже, начнет. Что это за яркие точки вспыхивают повсюду? Дыхание становится странным: коротким и прерывистым. Внезапно я чувствую руку у себя на плече.

– Эй, Билли, ты в порядке? Понравилось что-нибудь?

Отец вернулся. Его голос кажется ужасно далеким. Я слышу, как он говорит с Шейном.

– Билли немного нервничает, когда речь заходит о воде. Ничего страшного. Он отлично плавает, а с серфом мы торопиться не будем. Правда же, Билли? – Он присаживается на корточки рядом со мной и хлопает по спине. – Разберемся потихоньку. Научим тебя седлать волну.

⁵ Нил Олден Армстронг (1930–2012) – американский астронавт НАСА, летчик-испытатель.

Постепенно зрение у меня приходит в норму, и дыхание успокаивается. Рука отца по-прежнему лежит у меня на плече, и он крепко его сжимает. Поддерживает меня, подталкивает вперед.

– Как насчет вот этой? – говорит отец, указывая на одну из досок. Шейн снимает ее со стеллажа и передает нам. Доска синяя, и на ней нарисованы три дельфина. Когда я был помладше, то обожал дельфинов. Интересно, отец это помнит?

– О да, выглядит круто, – восклицает он. – Как считаешь, Билли?

Час спустя я уже являюсь обладателем новенького серфа и гидрокостюма. Мы едем домой, и отец раз за разом повторяет, какие классные у серфа плавники и как потрясно смотрится графика. Я пытаюсь сообразить, каким образом отвертеться от его использования по назначению.

Кстати. Я считаю, что дельфины – самые переоцененные из морских обитателей. Просто чтоб вы знали.

Глава 19

Сейчас вечер пятницы. Всю неделю я был в школе. Надеялся, что у меня будет шанс заехать к мистеру Фостеру и забрать карту памяти из камеры, но со всеми уроками да с темной по вечерам мне это так и не удалось. Еще и погода была плохая – почти всю неделю дождь. А теперь она просто сошла с ума! У меня на крыше стоит метеостанция, показывающая среднюю скорость ветра и силу порывов. Так вот, сегодня средняя скорость – сорок четыре узла, а порывы доходят до пятидесяти пяти. Настоящий шторм, если считать по шкале Бофорта⁶.

Находиться в шторм в доме на утесе довольно страшно, но в то же время захватывающе. Когда налетает порыв, весь дом трясется, а ветер завывает, будто стая волков. Иногда мне даже нравится выходить наружу, чтобы ветер сбивал с ног. Конечно, не на самом краю утеса. Облака мчатся по небу, как на быстрой перемотке, и даже по ночам море больше белое, чем черное.

Ветер то налетает, то успокаивается. Я очень надеюсь, что сейчас он успокоится, потому что иначе я не смогу заснуть. Заснешь тут, когда такие волки завывают вокруг! А мне надо выспаться, потому что завтра отец наверняка соберется на серфинг. А это означает, что я наконец смогу съездить к дому мистера Фостера. На карте съемка за целую неделю! Может, отец будет серфить весь день; тогда я просмотрю всю запись и выберу лучшие куски для полиции. Они арестуют мистера Фостера, спасут Оливию, и жизнь вернется в привычную колею.

Я, кстати, тут подумал, не попробовать ли стать одновременно и детективом, и морским биологом. Думаю, это было бы неплохо, вот только я не уверен, можно ли заниматься двумя работами одновременно. Я не знаю никого, кто так делает. Естественно, за исключением Эмили. Она официантка и ученая, хотя то, чем она занимается в кафе, неподходящая работа для такой умной девушки. Пожалуй, я предпочту все-таки стать морским биологом, а не офицером полиции. Полицейские по большей части сидят в своих машинах и поедают пончики.

Я сильно устал. В школе на этой неделе мне пришлось несладко. Кроме того, если говорить честно, я немного волнуюсь, потому что это первые выходные с тех пор, как отец купил мне серф. Очень скоро придется ему объяснить, почему я не собираюсь им пользоваться. При мысли об этом я слегка поеживаюсь. За волчьим воем продолжаю слышать рев океана – он словно нарочно напоминает о себе. Стекла в окнах звенят, будто кто-то пытается проникнуть в дом. Знаю, что на самом деле это не так, просто шторм разбушевался. Проверяю показания моей метеостанции. Порыв ветра скоростью пятьдесят восемь узлов. Я не усну, пока шторм не уляжется.

⁶ Шкала Бофорта – международная шкала силы ветра, от штиля (0 баллов) до урагана (12 баллов); шторм в ней соответствует 9–11 баллам в зависимости от его мощности.

Глава 20

Шторм затих только около трех, но отец проснулся с рассветом. Ветер успокоился, но валы на океане просто *грамадные*. Очевидно, я к ним и близко не подойду, но бухта внушает ужас даже с нашего утеса. Валы вздымаются вверх, словно гигантские складки, через всю семимильную бухту. Ближе к пляжу, где разбиваются волны, они образуют огромные круглые полости, которые висают в воздухе невероятно долго. А потом, когда все-таки обваливаются вниз, раздается оглушительный грохот, от которого дрожат стекла. Белая пена обрушивается на пляж подобно цунами. Пляж выглядит страшно. Он весь покрыт длинными языками пены, колышущейся, как желе.

Вы подумаете, что только сумасшедший может подойти к воде в такую погоду, но вы не знаете моего отца. Он напевает себе под нос, и глаза у него широко распахнуты. Если честно, он выглядит именно как сумасшедший. Отец обожает такие дни. Это его стихия.

После шторма на улице похолодало. Я дрожу в своем свитере и напяливаю носки и кеды, прежде чем спуститься вниз. Отец все так же в джинсах и босиком.

– Привет, дружище! Видал волну?

Когда я захожу в кухню, он ест мюсли из глубокой миски. Я бросаю встревоженный взгляд в угол, где стоит мой новенький серф – он там с тех самых пор, как мы ездили в «Зеленую комнату». Отец это замечает.

– Ох, да! Уж прости, парень. Знаю, я обещал позаниматься с тобой в эти выходные, но день сегодня неподходящий. Волны великоваты.

Из бухты снизу до нас доносится грохот – это разбилась очередная волна. Мы оба глядим в окно, стекло звенит в раме. Нам видны волны, набегающие длинной чередой, – они разбиваются далеко-далеко. Отец присвистывает.

– Может, через пару лет, ага? Поставим тебя и на такую. Веришь – это ощущение ни с чем не сравнится. Даже с... – Он не заканчивает фразу, поспешно заталкивая в рот ложку мюсли. – Отложим пока до завтра. Хорошо? – говорит отец, прожевав. – По прогнозу, волнение продлится недолго. Может, завтра уже зайдешь в воду, да?

Я ничего не отвечаю. Это ни к чему – отец все равно не слушает. По сути, его нет в кухне рядом со мной. Он думает только об одном.

– Слушай, нам уже пора. Надо поспешить, пока ветер не переменился. Ты готов?

Я не успел позавтракать, но все равно киваю. Если я его задержу, он только разозлится.

Мне хватает времени взять рюкзак и горбушку хлеба, прежде чем на улице раздается рев мотора. Я выскакиваю во двор. Куда мы едем, мне и так ясно: никто не прогребет через гигантские волны в Силверли – даже отец. Но в Литтли устье реки подправляет волны, а утес немного защищает от ветра, поэтому в такие дни, как этот, серферы собираются там. Я бросаю велосипед в кузов пикапа, чтобы проехать сначала по пляжу, а потом по городу до дома мистера Фостера и забрать свою карту памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.